

Россия
Россия
Россия
Россия
Россия
в эпоху
в эпоху
в эпоху
в эпоху
в эпоху
в эпоху
в эпоху
постправды
постправды
постправды
постправды
постправды
постправды
постправды
постправды

Здравый смысл против
информационного шума

Андрей Мовчан

Андрей Мовчан

Россия в эпоху постправды

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42540802

*Россия в эпоху постправды: Здравый смысл против информационного шума / Андрей Мовчан: Альпина Паблишер; Москва; 2019
ISBN 978-5-9614-2465-2*

Аннотация

Мы живем в эпоху постправды, когда техники манипуляций нашим сознанием достигли беспрецедентного уровня. Под видом разнообразных шоу и материалов в СМИ политики-маркетологи продают народу войны, терроризм, врагов, угрозы, кровь, грязь, неопределенность и чувство величия одновременно. В пространстве постправды каждый может найти факты, которые подтвердят любую гипотезу и любые представления о мире. Андрей Мовчан – один из самых известных и опытных топ-менеджеров российского финансового рынка. В книге он дает взвешенную оценку важных событий в России и мире за последние годы. Его мнение звучит жестко и бескомпромиссно, но в этом и есть основной посыл автора: научившись слышать и адекватно оценивать чужое неудобное или непонятное мнение, мы сможем пробиться через информационный шум и жить осознанно.

Содержание

Предисловие.	6
Благодарности	12
Часть первая. Факты и мифы	20
Меркель, мигранты, мы	24
Вступление в ЕС?	28
Матильда	43
Терроризм. Мы и они	52
По законам шоу	69
Ошибка измерения	81
Карго-подражание	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Андрей Мовчан

Россия в эпоху постправды: Здравый смысл против информационного шума

Редактор Алиса Черникова

Главный редактор С. Турко

Руководитель проекта А. Деркач

Корректоры Е. Чудинова, Е. Аксёнова

Компьютерная верстка М. Поташкин

Дизайн обложки Ю. Буга

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

но.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Андрей Мовчан, 2019

© ООО «Альпина Пабlishер», 2019

* * *

*Моему отцу — который научил меня очень
многому, в частности — думать*

Предисловие.

Как это получилось

Я никогда не думал становиться ни журналистом, ни экономистом (собственно, я ни первым, ни вторым не стал, хотя многие думают иначе). До 1990 года я был уверен, что всю жизнь буду заниматься физикой. Но революция смешала все карты (вернее, смешал их я, уставший жить на 10 долларов в месяц в институте в Подлипках, – как раз в 1992 году «Альфа-Групп» предложила мне аж 500, и думал я недолго). Я занялся финансами, а потом и инвестициями, и вот уже примерно 25 лет каждый день (помимо рутинных вопросов руководства компаниями или банками) решаю один и тот же вопрос: кому можно дать денег, так чтобы они вернулись с прибылью.

Ответственность за деньги (свои и чужие, сейчас я решил, что после 50 надо жить полегче, и управляю «всего» парой сотен миллионов долларов, а лет 10 назад, когда я возглавлял «Ренессанс Управление Инвестициями», их было 7 млрд) делает человека не только циничным, но и вдумчивым. В детстве меня много учили решать нестандартные задачи (и я учился прилежно, так что за постоянно выигрываемые олимпиады учителя прощали мне чудовищное поведение в школе). Выработанный навык искать скрытые закономерности

и смыслы, сопоставлять данные, учитывать множественные факторы очень помог мне сориентироваться в пространстве экономики и финансов, а школа математической статистики, которую я прошел на мехмате МГУ (как же часто я потом жалел, что предпочитал пить пиво и играть в преферанс, а не сидеть на лекциях!), дала мне неплохой аппарат для анализа.

Но вдумчивость, цинизм, математический аппарат – это хорошо, но мало. И мне пришлось влезть в экономику как науку, постараться разобраться в механизме сложнейшей системы, состоящей из миллиардов элементов – домохозяйств, компаний, рынков, инструментов, – системы, в которой большинство элементов наделено свободой воли, но над которой стоят древние незыблемые законы, связанные с самой природой человека. Надо сказать, что очень быстро я начал понимать, насколько фрагментарно и несовершенно современное экономическое знание и как мало можно взять из фундаментальной науки с точки зрения практических рецептов. Кажется, это Марио Варгас Льюса сказал, что экономика – это не наука, а вид литературы: как и художественная литература, экономика выхватывает из жизни изолированные сюжеты и аспекты и описывает их с целью кого-то чему-то научить – но не претендует ни на объективность, ни на универсальность.

Я был готов с этим согласиться – и начать писать про экономику. Тем более это было явно полезно бизнесу – со всех сторон мне говорили, что в России доверие к печатному сло-

ву огромное, а тому, чье имя стоит под статьей в приличном издании, всякий готов дать денег в управление.

Наконец я собрался и встретился с тогдашним редактором журнала *Forbes*. Меня как главу крупнейшей управляющей компании Восточной Европы (то была эпоха инвестиционных банков, средней руки банкир летал на частном самолете и чувствовал себя почти президентом – как же смешно все это вспоминать сегодня) в *Forbes* знали и были бы рады моей колонке. «Напишите, во что надо инвестировать, желательно на российском рынке», – предложил за чашкой кофе редактор.

Это было скучно. Статей на эту тему было множество (вернее – каждый уважающий себя брокер регулярно писал такую статью, предлагая инвестировать как раз в то, что очень хотел продать), а мои амбиции требовали создать что-нибудь эпохальное. Я решил, что напишу на тему о ресурсном проклятье, причем не статью, а серию, и начну издавка – с древних цивилизаций. А раз редактор хочет про Россию – будет ему Россия.

Через неделю я отослал редактору статью про работорговлю в Киевской Руси и почему она явилась причиной заката государства. Проработал я ее на совесть – так, как это делали физики еще тогда, когда я учился в университете, – с полным указанием источников, перечнем литературы, специальными оговорками и отсылками. Но редактор, специально приехавший к нам в офис для разговора, начал с вопроса: «Вы

историк?» «Нет, – ответил я, – вообще-то математик». «Ну вот, – сказал мрачно редактор, – мы не можем это печатать. Полстраны обидится, историки назовут это клеветой, нам этого не надо. Вы лучше напишите про инвестиции – про рубль там... Мой вам совет, не думайте, что вы писатель или журналист. У вас есть тема – куда вложить, ее и придерживайтесь. Ничего другого никто читать у вас не будет».

Мои амбиции были оскорблены – я человек тщеславный и самоуверенный (сейчас, правда, намного меньше, чем тогда). Я тут же решил, что обязательно буду писать и добьюсь, чтобы меня читали. Нет, для *Forbes* я, конечно, писал потом скучные колонки про «куда вложить». И даже про рубль, как и хотел редактор, я написал – в сентябре 2013 года: предупредил всех, что в 2016-м он будет стоить 60 к доллару (мало кто внял моим предупреждениям). Но серию про ресурсное проклятье я продолжил; со временем четыре статьи из серии вышли на «Снобе», потом мы в Московском центре Карнеги сделали огромную работу на средства британского парламента и выпустили большой набор статей и аналитики на эту тему; наконец, недавно я подписал контракт на написание книги, в которой будет уже около 30 глав, – о том, как ресурсы разрушали государства с древних времен и до наших дней. Я стал писать на экономические и социальные темы, и, как ни странно, меня стали печатать. Я завел аккаунт в Facebook, стал размещать статьи там – и меня стали читать.

Надо сказать, что я никогда не питал иллюзий относитель-

но новизны того, что пишу. Скорее, в процессе работы у меня сформировалось понимание, что я могу своими статьями помочь публике понять то, что у профессиональных экономистов пишется заумно и скучно, а у профессиональных журналистов – недопустимо поверхностно и неточно. Я постарался занять позицию «между», и, кажется, мне это удалось.

Я также никогда не питал иллюзий относительно полезности моего занятия. Нет, для меня лично оно оказалось очень полезным – доверие клиентов росло с каждой статьей. Но экономика (это уже мое мнение) схожа с медициной: как и врачи, экономисты говорят на особом языке и делают вид, что все знают; как и в медицине, в экономике в половине случаев диагноз поставить не удастся, а еще в четверти – удастся только при вскрытии; как и врачей, экономистов слушают только тогда, когда есть быстрое и безболезненное решение – «таблетка», и часто экономисты идут на поводу у пациентов и прописывают такие «таблетки» – невзирая на спорность эффекта и побочные действия; настоящие же экономические рецепты сродни советам о здоровом образе жизни – их слушают, морщась, за них даже платят, но потом мало кто им следует.

За последние 10–12 лет я написал несколько сотен статей, постов, комментариев. Они складываются в большой обзор моих представлений о том, как устроен современный мир – мир доминирующей геоэкономики, мир, управляемый с од-

ной стороны мощью рациональной научной мысли, а с другой – человеческой склонностью прятаться за сложным переплетением унаследованных и свежепридуманных мифов, мир, полный благородства и красоты и одновременно – цинизма, варварства и уродства. Мы живем в эпоху так называемой постправды, и мои статьи (несмотря на множество разных тем) – все про постправду и все – попытка борьбы с ней, раскрытия реальности, сути, рационального взгляда на вещи. Эта книга – любезно предоставленный мне издательством шанс выбрать наиболее точно отражающие мое мировоззрение статьи и предложить их читателю: для удовлетворения любопытства и желания узнать что-то новое – или же вступить в полемику.

Благодарности

Эта книга никогда не появилась бы на свет без огромного количества людей.

Ее не было бы без моей любимой жены, которая всегда выступает первым и самым жестким критиком моих безумных идей, а потом поддерживает меня, даже если я не внял ее доводам; моей жены, которая говорила мне, что я должен писать, задолго до того, как я решил начать; моей жены, которая была моим первым редактором, читателем и критиком. Оля – я люблю тебя!

Я не стал бы писать эту книгу, если бы Ирина Гусинская – заместитель главного редактора «Альпины Паблишер» – не сделала за меня половину работы, дав себе труд погрузиться в дебри интернета и собрав первую версию книги из моих статей и постов, разбросанных по закоулкам Всемирной паутины. Спасибо!

Я бы не стал писать, если бы с самого рождения меня не окружали великие (не побоюсь этого слова) и вместе с тем такие близкие люди: моя бабушка Елена Николаевна Верещагина, чья любовь поддерживала меня всю жизнь и чей шкаф с книгами был для меня – часто болевшего в детстве – волшебным окном и в материальный мир, и в пространство идей; мой дед – Иосиф Израилевич Гольденблат, чей непрекаемый авторитет в науке создал для меня вечно недости-

жимый пример для подражания и чье периодическое «У нас гениальный внук, Лялечка» сделало меня достаточно самоуверенным, чтобы дерзать там, где другие отступали; моя мама Наталья Иосифовна Верещагина – она не только была и остается для меня близким другом, но и сумела научить меня общению с женщиной, подарила мне в детстве право беззаветного ее обожания и затем – вовремя уступила это свое право и мое чувство моей жене, оставшись просто любимой мамой и лучшим товарищем; мой папа – Андрей Александрович Мовчан, самый сильный и мудрый герой, все мое детство и юность терпеливо учивший меня не только наукам, но и тому, как быть взвешенным и разумным, порядочным в мыслях и действиях, как видеть суть вещей и не поддаваться на провокации собственного мозга (и других органов).

Мне никогда не удалось бы написать эти статьи и посты, если бы не две валькирии Московского центра Карнеги, которых экономический Один послал мне на помощь в тяжелейшем труде поиска данных, выбора источников, построения графиков и диаграмм. Вита Спивак и Юлия Ковалева – вы лучшие! Спасибо, что были со мной целых 3 года!

Многое из написанного никогда не родилось бы, если бы вместе со мной в команде не работали два великолепных управляющих активами: опытный и мудрый Александр Овчинников и восходящая звезда индустрии – Еуджениу Киреу. В разговорах и спорах с ними я черпаю идеи, факты, гипотезы, от них получаю данные. Саша, Женя, спасибо вам

огромное за возможность работать в одной команде!

Большая часть моих статей размещена на ресурсе Carnegie.ru, а значит – прочитана, обсуждена, отредактирована в коллективе Московского центра Карнеги. Дмитрий Тренин – большое спасибо за ценнейшие идеи и мысли, точные критические замечания и мудрость, помогавшую мне сфокусироваться; Александр Баунов и Максим Саморуков – безусловно, лучшие редактора в мире; Александр Габуев и Андрей Колесников – лучшие коллеги, с которыми всегда можно обсудить любую тему и, если будешь внимательно слушать, уйти с готовой статьей, в которой не будет ни одного твоего слова; Таня Барабанова, Светлана Туган-Барановская – ваш самоотверженный труд по превращению некачественного черновика в блестящую статью нельзя переоценить. Спасибо всем, с кем мне довелось работать в МЦК и вообще в Фонде Карнеги, – особенно Тому Дево и Эндрю Вайсу, нашим зарубежным коллегам, которые брали на себя труд читать мои опусы, переводить их на английский (с русского или с моего английского) и давать им вторую жизнь – за рубежом России.

Все мы родом из детства. В 7 лет я отправился учиться в первый класс 444-й школы и провел там 10 лет – под присмотром прекрасных и не очень учителей, вместе с замечательными и не очень одноклассниками. Этой выдающейся (на полном серьезе) школе я обязан не только знаниями, но и уверенностью в их необходимости, и жутким снобизмом,

который заставлял меня всю жизнь стремиться к большему. У меня были свои детские горести и радости в школе, но и за то и за другое я благодарен по большому счету. Если бы не первая учительница Галина Филипповна, чей крик до сих пор стоит в моих ушах, я бы не научился так бояться сделать плохо или не успеть вовремя; если бы не Яков Самойлович Черняк, лучший в мире, я уверен, учитель математики и просто прекрасный человек, я бы не понял, как это прекрасно – преподавать, передавать знания, учить, я бы не узнал, что преподавание – это прежде всего шоу, спектакль гениального актера, а потом уже – факты и теории, и я не стал бы, наверное, стремиться научить и уж точно не стал бы стремиться к тому, чтобы это было интересным. В моем классе было достаточно прекрасных детей, некоторые влияли на меня, а некоторые были просто друзьями, и не знаю, что важнее. И хотя я, к сожалению, не вынес из своего Хогвартса множества друзей на всю жизнь, моя благодарность пережила нашу дружбу. Мы продолжаем встречаться только с Борей Ермаковым; 40 лет назад Боря был моим спортивным кумиром, а отношение к нему девочек – предметом моей черной зависти. Сейчас Борис Львович – просто мой друг, авторитет в медицине и частый собеседник, с которым можно обсудить волнующие нас проблемы, а по итогам – написать статью, за что ему большое спасибо!

Московский университет, как и Университет Чикаго, был для меня тем, чем университеты и должны быть – глотками

свободы, альма-матер, местом встречи с великими. Мне посчастливилось учиться у гигантов – ведущих ученых России и мира, лауреатов Нобелевской премии, людей гениальных и вместе с тем – очень внимательных к нам, молодым, наглым и неблагодарным студентам. Это они научили меня работать и не только – они научили меня придавать большое значение словам и отвечать за слова не меньше, чем за дела. Спасибо им!

За 30 лет в индустрии я поработал бок о бок с десятками замечательных и не очень людей – первые давали мне пример для подражания и помогали учиться и добиваться результатов, вторые – заставляли думать, вызывали яркие чувства и делали меня сильнее. В некоторых я был просто влюблен (как, например, в Рубена Варданыана или Стивена Дженнингса), способностями других в самых разных областях я неизменно восхищался, с кем-то мне было просто приятно работать. Я не возьмусь приводить здесь списки – очень боюсь забыть кого-нибудь. Но каждый может вспомнить для себя – если нам приходилось поработать вместе, будь то Подлипки, «Альфа-Групп», «Гута», «Российский кредит», «Тройка Диалог», «Ренессанс», «Третий Рим» или сегодняшний мой бизнес. Спасибо вам за то, что мы сделали вместе, за сотрудничество, за совместные бизнес-ланчи, корпоративы и тимбилдинги, за болтовню в коридорах, за споры по электронной почте и в переговорных, за подкинутые идеи и разбитые в пух и прах мои предложения!

Собрать книгу статей невозможно без самих статей. А они бы не появились, не будь на свете таких медиа, как «Сноб», *Republic*, *Forbes*, «Ведомости», *The New Times*, «Секрет фирмы», «Новая газета», *TheQuestion*, «Знак», URA.RU, «Фокус», «Фонтанка», «Собеседник», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Дождь», «Эхо Москвы», «Коммерсантъ» (простой и FM) и многих других, а в них – редакторов, разрешивших мне писать для них или в них выступать. Спасибо вам всем сразу и каждому в отдельности за доверие!

Отдельное спасибо хочется сказать моим читателям и зрителям – в Facebook, на страницах сайтов и каналов, в журналах. Ваши вопросы и реплики, комментарии и письма часто давали мне не только темы, но и интересные и важные факты, мысли и инсайты. Вы – полноправные соавторы большинства статей.

Я не могу не поблагодарить российское правительство, Думу, Совет Федерации, лично президента Путина, которые так часто и так много дают мне поводов для удивления, гнева и даже отчаяния – и заставляют писать. Я понимаю, насколько мала эффективность моих советов (советы вообще малоэффективны) – тем не менее половины моих статей не было бы, если бы вышеупомянутые инстанции и личности чуть больше знали, чуть больше думали о стране и ее гражданах и имели чуть больше совести. И о чем бы тогда я писал?

Наконец, я хочу поблагодарить своих дочерей (сын еще

маловат для того, чтобы читать такую книгу, я очень люблю его, но его время еще не пришло) – за то, что они меня понимают, разделяют мои убеждения, а их общественной позицией я могу только гордиться. Они сейчас активно строят свою жизнь – так, как, на мой взгляд, и должно строить свою жизнь сегодняшнее поколение молодых, рожденное в России: они получают великолепное образование в лучших институтах планеты, встраиваются в научный и деловой мир развитых стран, стремятся создавать значимые ценности для всего человечества и при этом отстаивать свои права и достойно обеспечивать свои желания и потребности. К моему великому сожалению, я все больше убеждаюсь, что если у России как культурной и социальной общности и есть будущее, то оно будет построено и защищено не теми, кто будет проживать на ее территории: решающую роль в его построении сыграют те, кто, покинув страну и добившись успеха за рубежом, будет готов вернуться тогда, когда обстоятельства дадут ему возможность применить себя здесь с пользой для страны, на языке которой он думает, для всего человечества. В каком-то смысле я хочу поблагодарить всех сверстников моих детей, которые выберут не приспособление под сегодняшние условия российского общества, не конъюнктуру или навязанные формы подросткового протеста, а независимое, свободное и достойное поведение, трудное дело самостоятельного мышления и непопулярный нынче в России взгляд не в лубочно-мифическое прошлое (вне зависимости

от его упаковки), а в желаемое и ожидаемое будущее этого мира – будущее, формируемое наукой, культурой и бизнесом, а не идеологией, пропагандой и политикой; будущее, в котором нет границ, но есть индивидуальность; будущее, в котором меритократический подход уживается с гуманистическими ценностями. Движение человечества вперед – это очень длинная и подчас крутая лестница, ступенями которой становятся действия каждого из нас, направленные на создание ценности, на развитие. Нам редко удастся увидеть результаты этих действий, но надо помнить, что в лестнице все ступени равно важны: и последние, и первые, и маленькие, и большие. Я желаю вам строить эти ступени. Я надеюсь, что мои статьи и выступления, моя работа тоже делают эту лестницу чуть прочнее и чуть удобнее.

Часть первая. Факты и мифы

Часть
первая

ФАКТЫ И МИФЫ

МЕРКЕЛЬ, МИГРАНТЫ, МЫ

ВСТУПЛЕНИЕ В ЕС?

МАТИЛЬДА

ТЕРРОРИЗМ. МЫ И ОНИ

ПО ЗАКОНАМ ШОУ

ОШИБКА ИЗМЕРЕНИЯ

КАРГО-ПОДРАЖАНИЕ

Одним из побочных, но крайне важных следствий создания современной системы информационного обмена, включающей в себя и централизованные (как СМИ), и распределенные (как социальные сети) источники информации, является необычайное даже для недалекого прошлого развитие манипулятивных техник информирования, которое вкупе со ставшим уже привычным фактом постоянного вброса дезинформации получило название «постправда». В пространстве постправды каждый может найти себе совокупность «фактов» и «гипотез», полностью отвечающую его желаниям и объясняющую все без исключения процессы, идущие во вселенной. Сообщества потребителей разных фактологом и парадигм пересекаются слабо, а когда эти пересечения происходят, возникают не дискуссии, а конфликты – ведь стороны не сходятся не в интерпретациях, которые можно обсудить, а в наборах фактов, что для каждой из сторон доказывает лживость оппонента. Основной проблемой в этой ситуации, таким образом, будет тонкость границы между миром объективным (который в идеале должен быть одинаковым для восприятия всеми, но в мире постправды наборы «фактов» про объективный мир у разных потребителей различаются) и миром субъективным, миром убеждений и предпочтений, который у разных страт населения, наций, социальных групп и индивидуумов может естественным образом значительно отличаться. Второй (субъективный) мир

диктует предпочтения в восприятии мира первого, заставляя разных людей все дальше расходиться в своей постправде и воспринимать оппонентов не как отличных от них индивидуумов, а как врагов, к своей выгоде искажающих их стройную картину мира.

Но объективность мира вокруг тем не менее ограничивает варианты развития событий – несмотря ни на чьи предпочтения, законы природы выполняются как в физическом, так и в социальном мире. Поэтому те, кто не сумел пробиться через хитросплетения мифов об объективном мире и принял сказки постправды за реальность, всегда обречены с удивлением взирая на тотальное расхождение результатов эволюции окружающего мира с их ожиданиями. Они будут вечно проигрывать, ведь они не только не могут правильно оценить свои силы и приложить усилия – зачастую они не понимают, в какую игру, с кем и даже где играют.

Умение отбросить псевдофакты и псевдотеории, разобраться в реальности требует неукоснительного соблюдения научного подхода, преодоления психологических ловушек (о которых написано так много, что я не буду здесь даже давать их список) и отказа от индоктринации как формы дискуссии. Прежде чем говорить о мире вокруг, надо условиться о вышесказанном – иначе разговор станет всего лишь еще одним пропагандистским демаршем. Поэтому эта книга начинается с моих заметок о фактах, гипотезах и их правильном восприятии. Вот, в частности, мой пост в Facebook за февраль 2016 года, по следам звонка

корреспондента Business FM, который демонстрировал все классические признаки конструктора постправды.

Меркель, мигранты, мы

Звонит корреспондент Business FM. «Пожалуйста, дайте свой комментарий вот по какому поводу: в последнее время крайне усилилась критика Ангелы Меркель по вопросу политики в отношении мигрантов. Все недовольны ее политикой, и вполне возможно, что она даже потеряет власть. Как, по-вашему, Германия будет переживать этот кризис? Как смена власти отразится на ведущей роли Германии в ЕС, сможет ли она не потерять ее? Как переживет это ЕС, которым Меркель руководила столько лет?»

Это Business FM, а не «Известия» или КП. Хотя данные о «крайнем усилении критики», конечно, почерпнуты из КП или «Известий» – где еще их можно было прочитать?

Те, кто, как я, постоянно имеет дело с европейской политикой как она есть, продолжают понимать скучные очевидные истины:

1. Критика власти в Европе – хороший тон, она всегда присутствует и всегда – жесткая.
2. Реальная критика Меркель сегодня, пожалуй, даже существенно ниже, чем нормальный уровень для Европы.
3. Проблема мигрантов, конечно, обсуждается, но в Европе сегодня (за исключением русских гетто) это проблема № 5 в лучшем случае – им есть о чем поговорить и что покритиковать.

4. Сменяемость власти в Европе – неотъемлемая часть жизни. Она не только не несет рисков, но и является залогом здоровья политической жизни. Меркель передаст власть? Может быть. Ничего плохого от этого не случится!

5. Меркель не руководит ЕС. У ЕС есть свое отдельное руководство, сидит в Брюсселе. Мнение Германии, конечно, важно – но не важнее мнения Франции, Великобритании, Италии, Австрии и других стран. Даже от мнения Греции ЕС периодически «трясет».

Но каждый житель России уже много лет подвергается внушению, что:

1. Критика власти – это редкое и опасное явление.
2. Если власть критикуют – значит, не за горами революция, кризис, беда.
3. Критика – признак слабости власти, ее неспособности себя защитить.
4. Смена власти – всегда угроза, это неестественно, это плохо, это ведет к потере позиции страны на международной арене и к беспорядкам внутри.
5. В союзах руководят не законы, не избранные органы, а правитель самого сильного участника союза. И вообще любой союз – это один сильный игрок и его прилипалы. А сильный игрок – это сильный царь. Свергнут царя – сила кончится – разбегутся прилипалы.

Пропаганда этих псевдофактов, очевидно, нужна автокра-

тической российской власти для самозащиты от общества. А вот обществу она вредна. И тем не менее верящих в нее предостаточно.

Тема воздействия на общественное сознание вообще очень интересна. В частности, мы знаем, что постоянное повторение даже заведомого абсурда вызывает у слушающих неосознаваемый рост доверия: эксперименты показывают, что многократным повторением фразы «Земля плоская» в течение нескольких дней можно повысить субъективную оценку вероятности такого факта у широкой группы участников психологического эксперимента с 0 аж до 10 %. В частности, мы знаем, что мнение большинства обладает еще большим влиянием – так, оценка правдивости фразы «На Марсе была жизнь» в эксперименте в Чикаго у широкой группы в среднем составляла 55 %, а фразы «На Марсе была жизнь» с добавлением «Это подтверждают крупнейшие ученые» – 78 %; оценка правдивости факта «Акулы представляют угрозу при купании в море» составляла 32 %, а в сочетании с фразой «Более 90 % жителей побережья выражают озабоченность опасностью, исходящей от акул» – 81 %. Еще интереснее воздействие этих факторов на изначально негативно настроенных испытуемых. Комбинация многократного повторения фразы «Бога нет» афроамериканцем вместе с представлением ненастоящих статей (испытуемые видели только заголовки), озаглавленных «Последнее научное открытие убедительно доказывает отсутствие Бога» и «С каж-

дым годом на Земле становится на 10 % меньше верующих», как показал эксперимент, изменяет ответ на вопрос «Какова вероятность наличия Бога?» в группе белых, изначально высказавших свое отрицательное отношение к другим расам, со 100 % (так отбиралась группа) в среднем до 90 %, причем разброс составляет от 50 до 100 %.

Как видим, в точном соответствии с законами психологии зомбирование влияет даже на скептиков. Поддаваться ему – печальная правда природы человека. Быть частью процесса зомбирования – непростительный поступок для любого журналиста. Этого бы не происходило, если бы журналисты помнили простые правила гигиены своей профессии:

1. Не основывать свои вопросы на суждениях, но только – на фактах.
2. Не предлагать интервьюируемому ответы под видом вопроса.
3. Оставить все интерпретации интервьюируемому и требовать от него фактологических подтверждений всех его интерпретаций.

Глядишь, и у общества выработался бы иммунитет.

Вступление в ЕС?

Постправда проникает в головы, пользуясь тем, что называется абберациями сознания. Никто не застрахован ни от них, ни от эффекта ложной альтернативы, ни от черно-белого мышления. Об этом, по следам моего выступления в «Сколково», я писал пост в Facebook и, получив множество комментариев, превратил его в «двойной пост» на «Эхе Москвы» (1 февраля 2017 года). Но все же разговора о конкретном предмете (Россия и ЕС) для книги мне кажется мало. Поэтому я хотел бы предварить эту статью рассуждением на тему, как работает абберация, из каких заблуждений она складывается и что из этого получается.

Первая и самая главная проблема тех, кто пытается составить свое мнение о предмете (будь то эффективность метода, перспективы инвестиции, будущее страны или собственная персона), это огромный багаж знаний, навыков и представлений, полученных в прошлом – от родителей, учителей, друзей, руководства, телевизора. Со временем и от повторения (у кого-то раньше, у кого-то позже) эти знания костенеют, образуют жесткий каркас, который определяет быструю реакцию на внешнюю информацию.

И тут возникает вторая проблема – скорости суждения. Сколько времени готов потратить средний человек на изучение предмета, прежде чем вынести суждение? Несколько

минут? Часто – еще меньше: мы все живем в дефиците времени. Каким образом человек будет подбирать факты? Используя первый попавшийся или наиболее приятный источник либо приняв за истину «факты», предложенные собеседником, – без проверки. Что он сделает с не вписывающимися в общую картину деталями? Пройгнорирует как малозначимые. Как вынесет суждение? Примерив полученную информацию к старым шаблонам и выбрав наиболее подходящий.

Дело обстоит еще хуже: наиболее подходящим в этом случае окажется, скорее всего, шаблон, в большей степени соответствующий выгоде человека (как он ее понимает). Это проблема ангажированности. Позже всех в электричество поверили газовые компании (а в сланцевую нефть – руководители Роснефти). Поскольку «старое» всегда имеет значительное количество бенефициаров (иначе оно бы в свое время не закрепилось в мире), любое «новое» обречено на недоверие со стороны множества влиятельных и успешных людей и организаций. Поскольку статус-кво выгоден власти, власть всегда будет против изменений – совершенно искренне полагая, что они вредны.

Возможно, если бы мы были буддистами, то легче бы справлялись со всеми перечисленными проблемами восприятия – достаточно было бы внимательно и вдумчиво наблюдать за событиями и подмечать не вписывающиеся в шаблон детали. Но тут нас подводит склонность к интерпре-

тации вместо наблюдения (еще это называется ложной дедукцией). Быстро решив, что нам не нравится высказанное суждение, мы начинаем анализировать не его, а причины, по которым оно высказано. За Путина – дурак или мерзавец, против Путина – агент ЦРУ или на содержании у Госдепа. Не согласен с автором – тролль, согласен – они заодно или ему проплатили. Интерпретация освобождает от дискомфорта разочарования в собственном мнении – а все, что ведет к комфорту, ценится чрезвычайно высоко.

Наконец, и это в большей степени касается, конечно, прогнозов и предсказаний, людям свойственно осмысливать те или иные гипотезы и факты в контексте статичного мироздания: даже если эти гипотезы относятся к будущему, даже если факты меняют всю картину мира. Статичность мировосприятия – естественное следствие редкости революционных изменений. Между тем мир иногда меняется целиком и постоянно – частями, и каждое изменение влияет на множество смежных аспектов. «Зачем России вступать в ЕС? У нас нефть и газ!» – взгляд, игнорирующий простой факт: запасы нефти и газа, как и потребность в них, – не навсегда. «Аннексируем Крым – Украина слаба и ничего не сможет сделать» – суждение, игнорирующее комплексность мировой политики, в которой помимо Украины есть еще крупные блоки со своими интересами, и их реакция может быть (как и оказалось в реальности) крайне болезненной для нас. «Никто никогда не будет читать электронные

книги – ведь самый легкий ноутбук весит около 3 килограммов и требует постоянной зарядки» – типичное рассуждение экспертов начала 1990-х годов, совершенно верное, если забыть, что ноутбуки с тех пор стали легче в 3 раза и появились планшеты. Общее правило изобретательства гласит: «Будущие решения должны решать будущие проблемы», но то же применимо и к любому суждению: прогноз должен учитывать все изменения, стратегия – все варианты развития событий, гипотеза – все альтернативные возможности.

Дэниел Джеффрис пишет: «Это типичный мозг ящерицы, работающий эвристически, совершенно не способный на понимание чего-то нового или инновационного. Он хорош только для атаки, защиты, поиска еды и убежища – и избегания скуки. Это – машина выживания. К сожалению, многие люди живут почти всю свою жизнь таким образом, и их мнения стоят ровно ноль...» Несмотря на этот гневный пафос, фантаст, в сущности, точно описывает то, что свойственно многим людям в 100 % случаев, но каждому из нас – хотя бы иногда.

Вот об этом и рассуждения в статье, и выдержки из комментариев в Facebook к моему посту.

Читаю лекцию студентам (все умные, образованные, экономику знают, по-английски говорят прекрасно), в качестве лирики говорю: «Я удивлюсь, если в течение 20–25 лет Рос-

сия не присоединится к Евросоюзу, пусть даже на особых условиях. И не только удивлюсь – расстроюсь, потому что не вижу этому альтернативы с точки зрения развития российской экономики». (Тут, конечно, можно спорить вечно, у меня свои аргументы есть, и их много, пост не об этом.)

Вопрос от милой девушки из зала: «Вы полагаете, что Россия пойдет на вступление в Евросоюз, несмотря на то, что членство в нем существенно затруднит поддержание Россией ее лидирующих позиций в мире?»

2 % населения. 1,7 % мирового ВВП. В 7-й десятке стран по ВВП на человека. Темпы роста за 15 лет – на 20 % ниже среднемировых, за 5 лет – в 2 раза ниже. Средняя зарплата – в 5-м десятке стран. Индекс цитируемости – в районе Египта. Лучший вуз – за пределами сотни. Военный бюджет – вровень с Саудовской Аравией. Доля своей валюты в мировом обороте – 0,2 %. Доля в мировой торговле – 1 %.

Кроме как любовью это ничем не объяснить. А еще говорят, «преодоление проблемы начинается с ее осознания».

Это я описал маленький диалог со студенткой, которая верит, что Россия «занимает лидирующие позиции». Разговор, как вы поняли, касался темы – войдет ли Россия в ЕС со временем. Вопрос это очень сложный, ответа на него нет, даже вопрос – «надо или не надо» – тоже очень сложный (я думаю – надо, но кто я такой?).

У поста 6000 лайков и море комментариев. В каком-то смысле это срез фейсбучного общества, в каком-то даже –

нашего российского общества в целом. Есть разумные комментарии. Но в большинстве своем они делятся на:

1. Тупые студенты, дебилы с промытыми мозгами! Россия – отстой! Пусть скрепами подавятся, боярышником запьют!

2. Автор – дебил! Россия – великая, нехрен нам втирать про мелочи, наше величие не в дурацкой экономике, а в ядерных ракетах, вон, ВВП Орды вообще был ноль! (Вариант: вы-все-врите, мы по ППС-шмэпээс круче всех, я сам читал у Глазьева.)

3. Россия не вступит в ЕС! Они там крутые, а мы тут в России (вариант – вы там в России) уроды и у***!

4. Россия не вступит в ЕС! ЕС скоро развалится, а за Россией будущее, мы их всех завоюем!

А вот и комментарии – они интереснее самой статьи. Их пишут люди. Пишут всерьез, даже не понимая, что стали жертвами ровно тех aberrаций, о которых я не устаю говорить

«Я бы таких м***, как наш уважаемый автор, близко к системе образования не подпускал. Засирают мозги детям, сами ничего не создав в этой жизни. Какова твоя доля в ВВП, гурю недоделанный?»

«Кому не нравится – вон из страны. Только не забудьте возместить расходы за бесплатное образование и здравоохранение».

«Автор завуалированно склоняет молодежь к вступлению

в “Исламское государство” (запрещено в России). С такими педагогами должна работать ФСБ!»

«Очень наивное представление, Андрей! Хотя все, что вы написали, правда. Среднестатистический житель России или Украины заведомо образованнее жителя ЕС или США. И преодолеть отставание можно за 3–4 года. Для этого достаточно отказаться от рыночной экономики в пользу блокчейн-экономики и от первого отдела. Советские инвестиции в образование можно окупить очень быстро».

«А если по Савельеву, мозг европейца процентов на 20 меньше нашего – то присоединяться не к чему. Как ни странно, Россия – страна идеи, мечты. А что может предложить Европа – вступайте, будет пиво дешевое? Стругацкие Европу описывали как “занюханную, в которой... с утра на завод, а вечером под одеяло к постылой бабе, новых рабов делать”. Печально, что такая Европа к нам уже пришла: ребенка не воспитывай, за себя не заступись – посадят, п***, черные и так далее. Выгнать бы ее».

«2 % надрали задницу всему Евросоюзу в 1945-м, позабыли?»

«Не нужны России эти европейские “ценности”, недолго осталось жить Евросоюзу: крысы (английские) уже бегут с “Титаника” (ЕС). Вы предлагаете нам пересечь из крепкой шлюпки в этот пафосный “Титаник”? А с обогревом за нас не переживайте, пусть переживают на “Титанике”, газ по волнам Украины может перестать поступать. У России, говори-

те, нет технологий? Это вы о чем? Едой себя обеспечиваем, энергией тоже, так чего нам не хватает? Позвольте не комментировать ваши прогнозы на 20 лет, вместе посмеемся, если выживет планета. Пусть европейцы задумаются и о нашем мнении, мы-то без них проживем, а вот они без нас померзнут (бензоколонка, помните?)».

«Я “боюсь” увеличить общий уровень маргинальности по автору. Но... На дебиловатый вопрос либерального толка – **НОРМАЛЬНЫЕ Ответы Наших Людей. ЗА РОССИЕЙ Будущее!** Я не скажу, что всего Мира. Но это будет Локомотив, до которого ЕС в своем нынешнем виде, может быть, уже НЕ доживет! Это если кратко. Пост пропитан антисовковостью и философией “Эха Москвы”. Помалкивал бы, “утопист”. А он еще опросы шлепает!»

«Есть и еще одна деталь: вступая в ЕС, в России сразу появится много гей-парадов и мы забудем нашу планетарную миссию – сохранить Сибирь как новую колыбель человечества после ядерной войны...»

То, что авторы комментариев зачастую безграмотны (путают индекс цитируемости с частотой упоминания в газетах, пытаются сравнивать страны через ВВП по ППС, не умеют оперировать размерностями), – плохо, но поправимо, можно учить. То, что некоторые настолько ленивы, что не удосуживаются заглянуть в мой профайл и называют меня «нищим профессором», «неудачником» и «кормящимся гран-

тами» (лишь кто-то один догадался и обвинил меня в том, что я «сколотил капитал в России», – по его мнению, это преступление) – еще хуже, но, может быть, в наших школах наконец-то введут курсы критического мышления, и это тоже исправится со временем.

Ужаснее всего – всеобщая маргинализация. Скажите мне: что, по-вашему, в этом мире вообще нет никакой позиции, кроме «лидер» и «отстой»? Вас всех что – сильно били в детстве, что вы так боитесь промежуточной позиции? Вам не приходит в голову, что Россия – просто страна, не последняя в очереди, но и далеко не первая, не из худших, но и далеко не лучшая по самым разным параметрам?

1,7 % мирового ВВП – это совсем не лидерство, но это вполне значимый размер. По любому параметру (от ВВП до продолжительности жизни, от доли своей валюты в расчетах в мире до уровня доходов домохозяйств, от продолжительности жизни до качества медицинской диагностики) всегда есть повод подумать, как достичь улучшения, но нет повода ни быковать, ни паниковать. 95 % (или 99 %?) людей и государств не являются лидерами, процентов 70 – не аутсайдеры, и эти 65 % великолепно живут. А в странах типа Швейцарии, Канады или Австралии, которым в голову не приходит претендовать на мировое лидерство, люди живут на порядок счастливее, чем в России или США. Рискну предположить, что жизнь в стране-лидере вообще не так уж приятна, а само лидерство – переменчиво и, как правило, стоит стране мно-

го крови.

Вдобавок страны вообще – понятие искусственное, порожденное страхом перед «чужими». Есть люди, условно объединенные в страны – всегда на время и всегда не слишком жестко (кто не верит – проверьте на истории России за 100 лет). Забудьте на секунду о гербе, гимне, флаге, воровских амбициях правителей и параноиков – и перед вами встанут просто миллионы людей (мужчин, женщин, детей), говорящих на разных языках, чтущих разные традиции, но более никак не отличимых (даже – и особенно – в своем несовершенстве). Эти люди (кроме кучки безумцев) хотят безопасности, обеспеченности, уверенности в завтрашнем дне, возможности доверять и заслуживать доверие, получать удовольствия, творить и любить.

Кому же нужна Россия – пресловутый «лидер» и в чем именно? Что нам с этим лидерством делать? Как мы лидерством накормим, обогреем, вылечим, сделаем счастливыми? Идея «лидерства» России – как геоцентрическая система – только отравляет мозги и сбивает с правильного пути. Искатели величия, какую цену вы требуете заплатить за фетиш, за расчесывание собственных амбиций, за ваше неприкосновенное право верить куплетам воинственных песнопений, криво скроенных из $2 + 2 = 5$? Еще смертей сирот? Еще смертей солдат? Еще смертей больных из-за развала медицины? Еще больше воровства? Еще больше бытовых преступлений? Еще больше пыток в тюрьмах?

Настоящими лидерами становятся тогда, когда, критически относясь к себе, работают над своим улучшением: делают богаче людей, увеличивают продолжительность жизни, развивают культуру и науку. Вы считаете, мы в этом преуспели?

Но что еще противнее и гаже – это как бы подпевающий моему посту полив России грязью. Кем надо быть, чтобы иметь желание видеть Россию сборищем нищих придурков? Что должно быть в душе человека, с упоением осыпающего бранью людей и страну (вне зависимости от ее названия), даже если он в этой стране не живет? Как убогость вокруг себя (или на границе с тобой) поможет тебе быть лучше?

Мне одинаково противны и те и другие, вы уж простите. Люди в России ничем не хуже и не лучше людей в других странах – они заслуживают уважения и критики, как и все. Именно заслуживают критики – без критики невозможно объективно оценивать ситуацию, а значит, и развиваться. Но без уважения нельзя критиковать, это бесполезно и уж точно непорядочно. Отказывать людям в уважении, равно как отказывать в критике, – значит равно ни в грош их не ставить, считать объектом, средством, предметом манипуляции, но не людьми. Бояться уважения (или путать его со страхом), как и бояться критики (или путать ее с агрессией), – признак большой психической проблемы.

Мне (да и России по большому счету) не интересны ни те ни другие. И теми и другими движет банальный и постыд-

ный страх – одни боятся и ненавидят людей вокруг, другие – людей за границей, и те и другие живут примитивным мышлением, затравленные собственными абберациями сознания. Кликуш, как и ура-патриотов, всегда смывает волнами времени, не оставляя на песке истории даже мокрого места. Меня интересуют те самые студенты, которым я читал лекцию. Они умные (поверьте, я получил много вопросов, некоторые были на уровне выше профессорского), любознательные (слушают, спрашивают, думают), равнодушные (иначе чего бы им сидеть в России – у них у всех родители очень небедны), подчас резкие («А с чего вы взяли вот это?»), иногда наивные («ЦБ активно поддерживает низкую инфляцию». – «Чем?» – «Пресс-релизами...»), еще с детской картиной мира («Нельзя бедных в среднем считать. В Швейцарии они намного беднее, чем в Африке, – в Швейцарии на ваши 3 доллара в день вообще не прожить!»), конечно, не без влияния пропаганды. Но они – думают, интересуются и переживают, а не голосят и не проклинаят. Именно им выпадает шанс превратить Россию из лидера по горлопанству и ненависти в нормальную страну, где людям хорошо жить. Поэтому – пусть спрашивают.

А что касается Евросоюза – вот нам бы их проблемы! Демократия, безусловно, худшая форма правления – если не считать все остальные. Их рост ВВП в 2016 году – 1,6 %, на человека это (безобразия!) немного больше 500 долларов в год (то есть больше, чем в Китае, у нас-то все еще минус 100,

а в лучшие 2000-е было аж до 250). И еще у них ужасные кредиты – 80 % ВВП! При стоимости обслуживания аж 4 % ВВП или около 10 % бюджета! Россия при мизерном долге тратит на обслуживание госдолга 1 % ВВП или около 3 % консолидированного бюджета. Вы думаете, 3 % бюджета или 10 % бюджета – это огромная разница? Я думаю – нет.

Да, ЕС – это куча проблем. Мы их отлично видим, потому что в ЕС не принято их скрывать, наоборот, о них кричат все кому не лень. Будут ли они решены? Думаю, постепенно будут – европейцы научились ошибаться и исправлять ошибки. Попробуйте просто проехать по Европе и посмотреть на нее – вы увидите, особенно если знаете историю, какой фантастический прогресс и какие перспективы заложены в Европейском союзе. Да, свобода подразумевает и хитрость, и строптивость, и потому есть в ЕС и Греция, и Великобритания (первая, правда, составляет в ЕС примерно столько же, сколько Россия в мире, а вторая ведет себя как кот – требовала, чтобы открыли дверь, а когда ее открыли, уселась и никуда не собирается). И да, там бюрократия, высоченные налоги (в Германии – почти такие же высокие, как в России), надвигающаяся демографическая яма и так далее.

Но Россия вывозит в ЕС 85 % всего своего экспорта. И получает более 80 % критически важного оборудования. А для ЕС Россия – всего лишь поставщик 12 % импортных товаров. А еще – мы невероятно синергетичны: ЕС не хватает ресурсов, но есть технологии. России не хватает технологий,

но есть ресурсы. ЕС – бюрократия с низкими рисками и идеальным аппаратом правоприменения, Россия – страна слабого права, но зато с высоким творческим, производственным и потребительским потенциалом. А еще и мы, и они – европейцы (пусть мы отстали на полвека в ментальности); пропорции религий в России и ЕС очень похожи; даже генетически оба «русских» типа (и так называемый северный, и южный) близки к соответствующим среднеевропейским группам (даже больше, чем друг к другу).

Присоединяться нам все равно придется – будущее за мегаблоками. НАФТА – более 20 трлн долларов ВВП (забудьте Трампа, его через 20 лет и не вспомнят); ЕС + Швейцария + Норвегия + ДСФТА + Турция – более 19 трлн; Китай + Япония + Корея + сателлиты (недолго им вести торговые войны, уж поверьте) – еще 17 трлн. Даже Индия с арабскими странами и частью Африки потянет на 4 трлн, хотя сложно им будет сопротивляться растяжению крупных блоков. И как мы со своими 1,3 трлн, замешенными на нефти и газе, будем гордо стоять в одиночестве? А главное – зачем? Чтобы с нашего экспорта все брали ввозные пошлины и потому он был невыгоден покупателям? Чтобы мы не были в состоянии привлекать технологии и производства? Чтобы наши специалисты не могли свободно обмениваться опытом и набирать знания? Чтобы наша продукция не соответствовала стандартам?

Глупость – видеть в членстве в ЕС потерю независимости или угрозу целостности страны. Члены ЕС сохраняют свои

армии (часть из них – члены НАТО, часть – нет) и свои правительства. Великобритания прекрасно сохранила свою валюту (что, на мой взгляд, очень правильно и для России). Недра остаются в полной собственности государств. Члены ЕС получают беспощинную торговлю, единые стандарты, примат общеевропейского суда и основных законов, резко снижающий риски ведения бизнеса, наконец, единые квалификационные требования. Все это крайне нужно людям в России, но, конечно, не тем, для кого суверенитет означает только одно – возможность воровать у своей страны и вывозить наворованное в тот же ЕС или сопредельные государства.

Есть и еще одна деталь: вступая в ЕС, Россия сможет стать активнейшим участником строительства этого союза. Множество решений страны-члены принимают в консенсусе. И у России есть что добавить к дискуссии и за что выступать. Если нам что и не нравится в ЕС сейчас – ну что ж, можно будет поправить. Тем более что не только русские всегда относились к европейцам с почитанием и благоговением, но и сами европейцы всегда восхищались «загадочной русской душой» и способностями русских побеждать в самых безнадежных ситуациях.

Давайте попробуем если не вступать в ЕС, то хотя бы не портить мнение европейцев о русских.

Матильда

Ложная повестка – один из излюбленных приемов генераторов постправды. Суть его в том, чтобы заставить слушателя спорить о совершенно второстепенном вопросе, в то время как рассказчик будет исподволь убеждать его в своей правоте по вопросам действительно важным. В советское время идею ложной повестки хорошо выражал всем известный анекдот про зеленую кремлевскую стену. Суть его сводилась к тому, что, когда Брежнев вызвал дух Сталина посоветоваться, тот дал три совета: расстрелять всех членов Политбюро, сослать в Сибирь в лагеря всех инженеров и перекрасить Кремль в зеленый цвет. Когда же Леонид Ильич удивленно переспросил: «Зачем же в зеленый?», Сталин ответил: «Ну, хорошо, что по первым двум пунктам возражений нет».

Если вы читаете эту книгу сильно позже 2017 года, то вряд ли помните историю с фильмом «Матильда» – проходной картиной, в несколько лубочном стиле показывавшей историю романа императора Николая II с Матильдой Кшесинской. Вокруг показа фильма развернулась настоящая борьба – нашлось немало оголтелых охранителей, требовавших запрета «пасквиля, порочащего святого императора всероссийского». Дискуссия о том, действительно ли Николай имел балерину-любовницу (спойлер – действитель-

но имел, исторический факт) и допустимо ли об этом говорить, стала частью российского шепота (про дискурс шоу – моя статья чуть дальше) и волшебным образом закрыла вопрос о личности самого Николая II, критика которого была крайне неприятна власти в России – уж слишком много возникало в 2017 году параллелей с началом XX века. Несколько слов об этом я написал в Facebook в сентябре 2017-го.

Ложная повестка (false agenda) – коммуникативный прием, один из лучших способов заставить собеседника отвлечься от важной темы и невольно принять твою позицию по ней; это аналог ложной атаки У-цзы, метод, хорошо разработанный и часто применяемый в политических манипуляциях общественным мнением. Если бы студенты спросили меня, как объяснить, что такое ложная повестка, я бы ответил так.

Представьте себе, что некий человек, облеченный абсолютной властью и ответственностью за страну, которая только-только выросла до возможности создания нового общественного устройства и экономического уклада и всерьез готова конкурировать (в хорошем смысле) с ведущими странами мира:

● Начал правление с того, что даже не отменил дальнейших торжеств после гибели 1500 людей на церемонии своего назначения.

● Ввязался в бессмысленную кровавую войну на востоке с противником, который ожидаемо оказался намного сильнее, что привело к большим жертвам, позорному поражению и экономическому кризису.

● Позволил расстрелять мирную демонстрацию, что было началом двухлетних беспорядков, которые, впрочем, так же жестоко подавлялись.

● Провалил все попытки реформ, сведя их к декоративным действиям; собрал и разогнал несколько созывов представительного органа власти, дискредитировав идею и восстановив против себя всех без исключения умеренных оппозиционеров и сторонников европейского пути развития.

● Развил и укрепил репрессивные органы, которые оказались не в состоянии справиться с реальными угрозами режиму, зато восстановили против этого режима широкие слои среднего класса и пролетариата и в конечном итоге стали играть свою игру, уничтожая даже высших чиновников и заигрывая с самыми опасными элементами.

● В течение долгого времени принимал решения под влиянием полуграмотного знахаря, откровенно обогащавшегося и продвигавшего своих протеже, чье вызывающее и развратное поведение стало притчей во языцех и привело к полной дискредитации морального образа режима, сделало страну посмешищем.

● Допустил значительный рост коррупции, при этом сохранив местничество, раздачу должностей на основании се-

мейных связей и протекции.

● Ничего не сделал с хроническим голодом в стране (8 млн жертв только за 10 лет, до 30 млн человек на грани смерти), продолжая вывозить за рубеж более 30 % производимого зерна, а выручку используя на финансирование роскоши двора, обогащение приближенных и вооружение (как оказалось – бессмысленное).

● Ничего не сделал для улучшения предпринимательского климата, в результате чего достаточно высокие темпы роста экономики реализовались практически исключительно за счет добычи природных ресурсов и создания транспортной логистики для их перевозки.

● Поддержал антисемитизм в качестве государственной политики, в том числе в виде дальнейшего сужения черты оседлости, сокращения квот на обучение. Закрыв глаза на (или поддерживал?) массовые погромы, происходившие при участии армии и полиции, фактически толкнув тысячи молодых евреев в революционное движение. Всячески потворствовал развитию радикальных православных групп и распространению идеологии черной сотни.

● Принял катастрофическое для страны решение ввязаться в мировую войну, неучастие в которой было уникальным шансом страны на опережающее развитие. Взял на себя командование и руководил военными действиями так, что страна терпела поражение за поражением от противника, имевшего намного меньше ресурсов и воевавшего на два

фронта.

● Своим отказом слышать и видеть проблемы и что-либо менять довел свой рейтинг в стране до близкого к нулю уровня, допустил деклассирование большей доли населения, фактически полностью потерял управление страной, в которой уже бесчинствовали вооруженные дезертиры и радикалы всех мастей.

● Наконец, отдал власть не под напором неприятеля или разъяренной толпы, а под давлением, казалось, всей страны, включая ближайших советников и высших чиновников, которые все без исключения видели и писали о бездарности его руководства страной и вреде, наносимом ей таким руководителем. Но сделал это катастрофически поздно, в результате чего в череде переворотов в стране к власти пришли левые радикалы, утопившие страну в терроре, одной из жертв которого он скоро стал и сам, вместе со своей семьей.

Представили такого человека? А теперь представьте, что вам усиленно предлагают подраться на тему, была ли у этого человека в 25 лет (еще до брака) любовная связь с балериной – или это грязные слухи.

Надеюсь, студенты бы поняли.

Пост этот получил живой отклик – совершенно в стиле, о котором уже много написано выше. Возмущенные граждане агрессивно отказывались понимать, о чем написан материал, предлагали свои

собственные и затертые до дыр чужие мифы с упорством одержимых, гневно обличали. Пришлось написать второй пост.

Я имел простодушие написать пост про то, что Николай II – спорная личность и потому вычленять из его не-дай-бог-кому-биографии эпизод с юношеским романом и мусолить вплоть до поджогов и запретов фильмов – это типичная подмена повестки, отвлечение народа от реальных тем и проблем. В ответ я получил по полной программе от верующих всех мастей – в «истинную историю», в «великую Русь», в «жидовский заговор», в «святую веру русскую» и так далее. Зато теперь я точно знаю, как все оно было. Правда, я не уверен, что вся эта правда умещается в моей голове, поэтому хочу ею с вами поделиться.

Вот что я понял из постов возмущенных специалистов по истине:

● За время правления Николая II в России случился небывалый промышленный подъем и расцвет, Россия стала сильно опережать страны Европы, население невероятно улучшило свою жизнь. И все было бы хорошо, но помешали возмущенные крестьяне, солдаты, рабочие, буржуазия и интеллигенция, которые сделали революцию.

● Николай II выиграл Первую мировую войну, и русские войска вошли бы в Берлин, если бы только армия не разбежалась, провиант не кончился и линия фронта не находилась так далеко от Берлина и так близко к Петербургу.

● Николай II не был лично знаком с Распутиным, и царица не была знакома с Распутиным, и вообще никто не был знаком с Распутиным – Распутин сам придумал сказки про свое знакомство с царской семьей, а большевики эти сказки распространили, и в них поверили все, включая царя и его семью. Николай II не действовал по указке Распутина, просто все верили, что он так действует, поэтому, когда Николай II хотел кого-то продвинуть по службе, этот кто-то нес Распутину деньги или его жена шла к Распутину, и потом продвижение случалось, потому что этого хотел Николай, и эти продвижения были очень разумными, а не теми, что предлагал Распутин.

● Николай II просто не мог не начать Русско-японскую войну, ему бы не позволили обстоятельства. И Россия бы победила, если бы Макаров не подорвался на mine. Но даже после этого Россия победила, просто большевикам надо было опорочить Николая II, и они написали, что она проиграла, и все поверили, включая японцев, которые поэтому забрали у Витте пол-Сахалина.

● Николай II был за реформы и созыв Думы. Просто в Думу все время собирались не те депутаты, образования им не хватало, и Николай должен был их разгонять. Образованные депутаты так и не собрались, но Николай в этом не виноват.

● Никакой коррупции во времена Николая II не было. Это доказано комиссией при Николае II, которая не нашла никаких случаев коррупции.

● Никакого голода во время царствования Николая II не было. Кроме того, о голодающих очень хорошо заботились многочисленные общества помощи. А Лев Толстой, когда писал о голоде в 1906 году, имел в виду голод 1891 года, но забыл это указать. И голодных смертей не было, потому что есть книжка Сергеева, где сказано, что их не было.

● Николай II был мудрым правителем, и благодаря ему Россия процветала. А проигранные войны, революции, погромы, голод, репрессии, коррупция и местничество и прочие страшные проблемы, из-за которых Россия развалилась, случились по вине министров и приближенных, которые состояли в масонской ложе и не давали Николаю II ничего сделать, и поэтому он никак не влиял на ситуацию в России.

● Никаких погромов при Николае II не было, это придумали евреи. И никакой революции бы не было, если бы евреи не решили отомстить за погромы, которых не было, и не сделали революцию руками русского народа, который был против революции. И они же весь русский народ и перебили в Гражданскую, потому что уже в Гражданскую, когда евреи пришли в России к власти, конечно, были страшные погромы, и правильно, что были погромы, потому что евреи перебили всех русских.

● Все плохое о России и Николае II написано в «Кратком курсе истории партии». Во всех других книжках написано о нем только хорошее. «Краткий курс истории партии» – это очень плохая книжка, потому что писали ее соратники гер-

манского агента Владимира Ульянова, который сверг Временное правительство английского агента Александра Керенского и захватил власть в русской России, которой до того успешно управлял русский царь Николай Гольштейн-Готторп с женой Викторией Алекс фон Гессен. Если что-то плохое написано о Николае II в других книжках, то это просто потому, что они позаимствовали в «Кратком курсе» или «Краткий курс» списан с них.

● Николая II любил весь народ России. Его свергла кучка приближенных к нему английских агентов, которые обманули народ, который потому весь и выступил за его отречение, что был обманут.

Ну и на десерт:

● Не вам говорить об императоре после того, как ваши выскочили из-за черты оседлости и уничтожили страну, которая была самой успешной в мире. Это общеизвестный факт, об этом даже по-английски пишут, вот вам ссылка. Говорите на своем языке, а не на нашем русском.

Я вот думаю с некоторым страхом: все вышеизложенное уже написано в школьном учебнике или там пока еще «совковое вранье»?

Терроризм. Мы и они

*Постправда – явление интернациональное. В развитых обществах тенденция к упрощению, плоскому восприятию фактов и/или их игнорированию, преувеличенному вниманию к менее значимым, но более громким факторам также имеет место. Большим плюсом развитого мира является умение вести общественную дискуссию и развитая конкуренция за власть – они порождают пресловутый плюрализм и заставляют даже самых яростных сторонников того или иного мифа слушать оппонентов. Даже если речь идет о событиях трагических – как, например, гибель редакции французской газеты *Charlie Hebdo*, по следам которой написана следующая статья. (Опубликована в *Republic* 15 ноября 2015 года.)*

Гибель человека – всегда трагедия. Когда гибнут сотни людей, это становится шоком, переворачивающим сознание и вызывающим не только скорбь, но и агрессию, жажду мести и желание что-то изменить раз и навсегда, чтобы подобное не повторилось.

Агрессия в ответ на агрессию, сепарация в ответ на сепарацию, ксенофобия в ответ на ксенофобию – естественный ответ, первая реакция человека. Но это именно та реакция, которой заказчики терактов и хотят добиться. Стоит ли ид-

ти у очевидных врагов на поводу? Что, если умерить свои естественные чувства гнева, страха и сострадания и вместо поспешных выводов и действий остановиться и проанализировать ситуацию? Для такого анализа ведь не надо быть специалистом в исламе, профессионалом антитеррора или знатоком международной дипломатии. Достаточно здравого смысла, знания истории и официальных данных, которые (спасибо нынешним свободам) публично доступны.

Каждый теракт в Европе (и России) вызывает к жизни одну и ту же риторику, состоящую из 5 пунктов:

1. Терроризм – это форма войны архаичной, жестокой, агрессивной культуры против нашей цивилизации. Это война «их» против «нас». Они хотят нас уничтожить.

2. Терроризм – страшная угроза нашему обществу. Если ничего не делать, террористы его уничтожат.

3. «Мы» – не такие, как «они». Мы – гуманны по природе, они – убийцы, не ценящие ни свою, ни чужую жизнь. Мы не договоримся.

4. Причина разгула терроризма – наша мягкость и излишняя свобода. Закрыть границы, ввести тотальный контроль, поступиться свободами ради безопасности – вот необходимые меры, не приняв которые мы потеряем Европу.

5. Европе объявлена война. Надо, наконец, вести войну – лучше на территории врага, причем активно, жестко и до полной победы. Сегодня по Европе ударил ИГИЛ – значит, надо уничтожить ИГИЛ (запрещенную в России террористи-

ческую организацию).

Начнем с первого пункта.

Кто с кем воюет?

По статистике, терроризм распределен очень неравномерно. В Европе, обеих Америках, Австралии и Океании происходит около 2,1 % от общего числа терактов, причем только 2 % из них совершаются исламистами (хотя жертв исламистских атак, конечно, намного больше). Когда-то давно, в 1950–1970-е годы, доля терактов в развитых странах была значительной, но не теперь. С 2001 года в Европе (без России) произошло всего 4 исламистских атаки, повлекших гибель более 10 человек: Мадрид (2004), Лондон (2005), Париж (январь 2015-го) и, наконец, нынешний теракт; из них всего 2 теракта, унесших жизни более 100 человек.

Мы эгоистичны. Мы делим людей на «нас» и «не нас», исходя из своего страха оказаться на их месте. Тысячи трупов в Азии нас не волнуют, пока это не наши туристы. А самолет с туристами и теракты в Париже (а кто же не любит ездить в Париж?) – это ужасно, это вызывает сочувствие.

Что мы чувствуем, когда это случается не в «нашей» зоне? В 2014 году, когда в Европе в результате исламистских терактов погибло всего 4 человека, общее число жертв террористов в мире составляло 32 700 человек (и около 39 000 ранено). В месяц погибало по 2700 человек, почти по парижско-

му теракту в день. Правда, 78 % погибших приходится на 5 стран: Ирак, Афганистан, Сирию, Нигерию, Пакистан. Но и в англоговорящей и рвущейся в развитый мир Индии в 2014 году погибло 426 человек. Сколько юзерпиков с индийскими флагами вы видели в Facebook? Кто скорбел по пакистанцам или нигерийцам?

За время войны в Сирии погибло более 200 000 человек. Мы не только не в курсе, сколько мирных жителей погибает во время каждого налета российской авиации, мы даже не думаем на эту тему. Установление демократии в Ираке стоило 600 000 жизней. Сколько юзерпиков с иракским флагом вы видели?

Реальность отличается от нашего о ней представления. Нет никаких «нас», с которыми «они» ведут войну. К нам залетают случайные снаряды – свидетельства той страшной бойни, которая идет у «них». «Мы» внесли изрядный вклад в то, чтобы эта бойня началась и не заканчивалась, – колонизацией, агрессивным и неумелым вмешательством в «их» традиции, культуру и социальные нормы, искусственными и часто противоестественными границами, которые «мы» нарезали на их территории, последующим взращиванием радикальных группировок, которые, как «мы» надеялись, будут бороться «за нас» с нашими идеологическими противниками, наконец – военными кампаниями с целью «демократизации» (или в борьбе за нефть?). Тут нет разницы между Россией и Западом – все мы отметились одинаково. Это не

«они» развязали с «нами» войну. Это «мы», бесконечно балуясь с огнем, все время удивляемся, что искры прожигают «нам» дорогие костюмы.

Насколько тотальна угроза террора?

Второй вопрос тоже имеет вполне четкий ответ. Статистика говорит, что за 10 последних лет около 140 000 человек в мире погибло в результате террористических атак. Эта впечатляющая цифра тем не менее меркнет на фоне других – тех, о которых мы мало заботимся.

В год от пищевых отравлений и инфекций в мире погибает 350 000 человек – в 10 раз больше, чем от терактов. По одной из оценок, 24 000 человек умирает от удара молнии – сравнимо с жертвами терактов.

За 15 лет в Европе от рук террористов погибло менее 500 человек. Меньше, чем в авиакатастрофах. Зато в 2014 году в Европе 25 700 человек погибло в дорожных инцидентах и более 200 000 остались инвалидами. За 4 года количество погибших в ДТП в Европе снизилось на 15 %, и Виолетта Балк, комиссар по транспорту, назвала это «выдающимся результатом», хотя в ДТП погибает 70 человек в день – как один теракт в Париже каждые два дня. Никто не объявляет траур по погибшим на дорогах, хотя это такие же невинные гражданские лица. В 2013 году 2042 человека в Европе погибли из-за инцидентов на железной дороге – президент

Франции обсуждал этот вопрос с правительством? Или он предложил объявить войну поездкам?

Но, может быть, молнии, ДТП и отравления не кажутся такими ужасными потому, что становятся результатом случайности, а не злой воли? Вряд ли – в Европе в год 22 000 человек погибают в результате преднамеренных убийств. Это 60 человек в день. Кто объявляет ежедневный траур? Американская статистика говорит о том, что риск умереть от врачебной ошибки для жителя развитой страны в 6000 раз выше риска погибнуть от руки террориста. Кто-то уже предлагает изгнать из Европы всех врачей (готов поспорить, что доля врачей, совершающих фатальные ошибки, выше доли мусульман в Европе, совершающих теракты)?

Почему мы так относимся к терактам? Нас впечатляют события неожиданные, в то время как события ожидаемые, стандартные не производят впечатления, какими бы они ни были. Возможно, поэтому тот факт, что в безопасной Европе каждые два дня погибает от рук убийц столько же людей, сколько в последнем теракте в Париже (впервые за 10 лет), нас не трогает, так же как не трогают постоянные теракты на Ближнем и Среднем Востоке. Это наводит на грустную мысль: чтобы мы перестали ужасаться терактам в Европе, они должны стать постоянными, а количество жертв – сильно вырасти. Но и обратное верно: наш ужас – лучшее свидетельство того, что в Европе с терроризмом нет острой проблемы: теракт – это крайне редкое, шокирующее явление.

Даже если случится невозможное и количество жертв терактов вырастет в 100 раз, ущерб от них все равно будет в 2 раза меньше, чем от вождения в нетрезвом виде.

Такие ли мы разные?

Третий тезис – о нашей разности – могут поддерживать только люди, вообще не знающие истории. Не будем ворошить прошлое – нам хватит и XX века. Большевизм в России, перекинувшийся на Кавказ, Среднюю Азию, в Восточную Европу, был религией более жесткой, чем самый радикальный ислам. Его апологеты убивали и умирали намного легче, его «эмиры» отправили миллионы не на милосердное отрубание головы, а на мучительную медленную смерть в лагерях. Агенты большевизма наполняли все страны мира, если не устраивая теракты, то совершая убийства. Официальной целью большевизма – прямо как у радикального ислама – было провозглашено покорение всего мира и установление всемирной жесточайшей диктатуры. Европейский фашизм от большевизма отличался лишь тем, что внес национальный фактор в радикальную идеологию.

Затем был Китай – маоизм, уничтоживший десятки миллионов жизней. Европа, казалось, излечилась, но совсем недавно на Балканах православным хватило территориального спора, чтобы начать вспарывать животы беременным католичкам и убивать детей на глазах родителей в количе-

ствах, которым позавидовало бы ИГИЛ. И уж совсем недавно 10 000 человек (включая 200 пассажиров малайзийского самолета) недалеко от центров православия и великой русской культуры погибли просто потому, что пара олигархов делила собственность, а пара политтехнологов зарабатывала начальнику рейтинг.

Нет, мы не разные. Мы все – обезьяны в тонкой человеческой коже. Стоит обстоятельствам чуть-чуть ее поскрести, и мы готовы резать, взрывать, умирать и посылать на смерть. Сегодня просто очередь ИГИЛ.

Проблема даже еще глубже. «Мы» и «они» – лучший способ сделать задачу неразрешимой. Пока мы не научимся ценить жизнь человека одинаково, вне зависимости от того, где он живет и на каком языке говорит, мы не сможем даже подойти к решению проблемы терроризма. Сегодня для нас терроризм – чудовищный акт агрессии, дикость и ужас. А для тех, кто приходит на территорию развитого мира с желанием убивать, гибель мирных граждан, женщин и детей – обычное событие: у многих убиты родственники, некоторые потеряли близких в результате демократизирующих авианалетов. Еще большее количество убеждено пропагандой, что все зло, весь ужас, вся боль и смерть, их окружающая, вызваны безбожниками из Европы и США, которые сперва их земли колонизировали, а потом, вынужденные покинуть их территории, тем не менее все время продолжают на них нападать. Не стоит упрекать их в близорукости – США нико-

гда не колонизировали Россию, никогда не атаковали ее территорию, никогда не убивали ее солдат и мирных жителей, и тем не менее пары лет плохо сделанной пропаганды оказалось достаточно, чтобы большинство населения стало считать США врагом, бояться и ненавидеть американцев.

Впрочем, я бы даже не стал обвинять пропаганду. После Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии отношение к западным странам как к агрессорам закономерно. Сталин был не лучше Каддафи, а большевики в СССР очень напоминали ИГИЛ. И тем не менее отражение фашистской агрессии считается у нас великим подвигом. Да, конечно, прямые аналогии некорректны: сегодняшние США, Франция и Россия – совсем не гитлеровская Германия. Но как это понять местным жителям, на головы которых сыплются бомбы? Да и мы сами – стали бы мы сегодня с пониманием относиться к интервенции США с целью установления демократии или все-таки начали бы бороться с оккупантами по старой российской традиции – любыми средствами? Наверное, боролись бы?

Это разделение на «они» и «мы» не дает адекватно смотреть даже на беженцев. Да, они – оборванные, вырванные из социума, в котором привыкли жить, не знающие языка, не знающие, куда идут и что их ждет, – ведут себя как не принято у нас: оставляют мусор, крадут, нарушают административные нормы. Многие будут грабить. Кто-то – даже убивать. Среди них в Европу будут проникать террористы, наркото-

говцы, просто бандиты, для которых Европа – новое, более богатое общество, которое легче грабить. Но и в этом нет ничего нового – нищие и лишенные своей земли часто ведут себя так же. Итальянские и еврейские беженцы в Америке (вслед за ирландскими) создавали мафии и банды и убивали намного больше, чем арабские беженцы в Европе.

За 10 лет фашизм уничтожил 6 млн только евреев (где уж тут «Исламскому государству»!). Миллионы стали беженцами. Они были такими же нищими, оборванными, собирающимися в толпы, готовыми воровать и даже грабить, рвущимися к безопасности. Про них можно было сказать все то, что сейчас их потомки говорят про беженцев с Ближнего Востока: и одеты они были странно, и говорили странно, и обычаи несли с собой свои, и, конечно, среди евреев-беженцев искали агентов Сталина, и, конечно, большевики и фашисты внедряли своих агентов. (И, конечно, в Палестине евреи организовывали теракты против «британских оккупантов».) Культурные европейцы и американцы тогда были циничны – англичане не пускали корабли в Палестину, возвращали беглецов в Германию. Сегодняшние радетели за «гибнущую Европу» и противники приема беженцев просто не выучили урок.

Принимающие же беженцев знают, на что идут. И принимают не потому, что питают иллюзии, а потому, что так правильно. А правильно так совсем не потому, что ущерб от «нашествия» беженцев пренебрежимо мал – любой ущерб

чувствителен. Правильно потому, что только так в этой длящейся уже века истории взаимодействия миров, в которой европейцы часто выглядели похуже, чем исламские экстремисты, а еще чаще были просто опасными идиотами, можно не скатиться обратно в душный подвал прошлого, а выстоять и сохранить еще очень слабое гуманитарное общество, которое Европа только-только построила.

Пожертвовать свободами?

И четвертый тезис не выдерживает критики. Есть ли хоть какая-то опасность «гибели» Европы под ударами террористов? Конечно, нет. В военном отношении «ненавистники Европы» отстают от НАТО почти как отряд кочевников с луками от танковой бригады: даже то устаревшее оружие, которое у них есть, куплено у развитых стран (несмотря на многомесячные процедуры проверки рисков, парализующие нормальную финансовую деятельность, ИГИЛ продает нефть, а деньги террористов идут на оплату оружия, и оружие поступает куда надо). Сил террористов хватает на пару больших терактов в десятилетие, и вряд ли можно ожидать роста их возможностей.

Европа – слабая, сентиментальная, общество «терпил», как ее называют гордые своими воинственными замашками российские комментаторы, создала мир, в котором самый высокий подушевой ВВП сочетается с самым низким уров-

нем преступности. Уровень насилия и опасности в Европе в разы ниже, чем в стране гордых и обидчивых борцов со всем миром и особенно – с карикатуристами. Что нужно было бы сделать Европе, чтобы догнать Россию? Скорее всего, то же, что сделали в свое время в России: пожертвовать свободами личности во имя призрака стабильности и мифического сильного государства, превратиться в царство ксенофобии и шовинизма.

Война не решает проблему

Пятый тезис – о необходимости полномасштабной войны – вообще ни на чем не основан. Последние крупные теракты в Европе были в Испании в 2004 году и в Лондоне в 2005-м. Никакого ИГИЛ тогда не было, войну было вести не с кем, организовала теракты ячейка «Аль-Каиды» в Йемене. С Йеменом никто не воевал, но терактов не было 10 лет. 11 сентября – тоже не на совести ИГИЛ, напротив – ИГИЛ вырос из войны с Ираком (который к событиям 11 сентября был непричастен). Истина в том, что нет ни сокращения, ни увеличения количества терактов ни в результате действий антитеррористической коалиции развитых стран, ни в результате бездействия. Силы, организующие теракты, заинтересованы в конфликте – равно внутри Ближнего Востока, Африки, Среднего Востока и между развитыми странами и странами этих регионов. Теракты – провокация кон-

фликта, но не его причина и не его следствие. Нет сомнений, что развитые страны могут вести вечную войну с постоянно видоизменяющимися террористическими движениями и государствами, и это дает возможность кому-то рапортовать об успехах, а кому-то зарабатывать деньги. Но это не только не решает проблему, это ее даже не затрагивает.

Выводы

Я не претендую на глубину и профессионализм анализа, подвластный опытным дипломатам и мастерам контртеррористических служб. Но выводы, по крайней мере те, которые можно сделать на основании вышеприведенной статистики и истории, сильно расходятся с интуитивными реакциями.

Терроризм – это тип преступной деятельности, мало отличающийся от других форм организованной преступности – разве что в его основе лежит больше идеологической составляющей, чем в торговле наркотиками. Как и другие виды оргпреступности и бандитизма, терроризм концентрируется в зонах с низким уровнем жизни, слабыми институтами власти и общества, низким образованием населения. **Терроризм изначально не имеет национальности или религии – просто по стечению обстоятельств сегодня почва для развития терроризма значительно плодороднее в части мусульманских стран.** В том, что это так, есть доля вины развитых стран. Это не повод для самобичевания,

но важный факт, не осознавая которого мы не сможем справиться с терроризмом. То, что происходит в странах, серьезно страдающих от терроризма, является, по меркам развитого общества, перманентной гуманитарной катастрофой. Терракты в развитых странах – всего лишь отголоски этой катастрофы, а не война против этих стран.

Терроризм в развитых странах – явление значительно менее опасное, чем банальная преступность, врачебная халатность или даже нарушение техники безопасности на железнодорожном транспорте. Из этого никак не следует, что с терроризмом не надо бороться. Борьба с террором должна идти так же, как с любой организованной преступностью, – усилением оперативной работы и охраны потенциальных объектов атаки, работой с подверженными радикальным идеям членами общества. **Речь об ограничениях свобод, об изменениях устоев общества идти не может** – ничего из этого не делается для борьбы с преступностью, и Европа не только жива, но и последовательно сокращает эту самую преступность.

Ни в коем случае нельзя даже думать об ограничении или отмене основополагающих принципов, которые сделали Европу Европой, например – принципа презумпции невиновности, заставляющего смотреть на беженцев не как на потенциальных террористов, а как на требующих защиты и помощи людей. Те, кто навязывает идею «смертельной опасности терроризма для Европы», опасны для Европы больше, чем

террористы. Закрытие границ, ограничение информации и свобод, расширение полномочий силовых органов не защитят Европу от редких взрывов. Они быстро превратят Европу в подобие того мира, откуда терроризм сегодня выходит. Этого и хотят организаторы терактов – их интересует не смерть отдельных европейцев, а смерть всей Европы. Их теракты – комариные укусы; настоящий план состоит в том, что страх перед укусами заставит Европу уничтожить себя самостоятельно.

«Мы» – практически такие же, как «они». Между нами – стена кровавых ошибок и обид, сцементированная коммерческим интересом преступных групп и соперничающих режимов немусульманского мира и безумием немногочисленных фанатиков (которые, как правило, успешно совмещают фанатизм с коммерческим интересом). Конфронтация только надстраивает стену, а цемент всегда в избытке. Надо искать пути взаимопонимания и взаимодействия. Вышесказанное, конечно, не касается ни исполнителей терактов, ни их заказчиков, ни организаторов. Все они – банальные особо опасные преступники. Бандиты – не «мы» и не «они». Понимать, жалеть, помогать, объединяться нужно до момента, когда человек становится преступником. Мы – не враги мусульман, жителей Ближнего Востока, мы не должны вести с ними войны, изолироваться, отказывать в помощи. Это не противоречит уничтожению террористов – вне зависимости от пола, возраста и причин, побудивших их совершить тер-

акт. Это не противоречит поимке и наказанию тех, кто подстрекает к совершению теракта, и тех, кто публично поддерживает совершение терактов, — точно так же, как в случае других преступлений. Но это противоречит любым действиям в отношении террористов, которые мы не делаем в отношении других особо опасных преступников — например, введению ответственности членов семьи.

Только понимание этих истин и вторичности терроризма даст возможность развитым странам создать выполнимую программу по искоренению терроризма в мире. Эту программу должны делать специалисты. По моему скромному мнению, в нее должны войти меры, схожие с мерами, которые были приняты по итогам разгрома фашизма. Надо создать новые, отвечающие реалиям и запросам местных сил границы государств в зоне террора; надо направить в новые государства беспрецедентную экономическую помощь и, никак не влияя на особенности локальных социумов, дать им возможность выйти из состояния экономической катастрофы. Надо, наконец, определиться с очень четким и ограниченным списком международных требований к новым государствам, выполнение которых обеспечит лояльность развитых стран, гарантии невмешательства и активную, в том числе вооруженную, помощь в борьбе с остатками террористических формирований.

Без этого террористы еще долго будут периодически приводить в исполнение свои убийственные планы в городах

«развитого мира». Долго, но все же не вечно. Рано или поздно экономика мусульманских стран сумеет развиваться до уровня, на котором терроризм станет невозможным. Вопрос к нам – ускорим мы этот процесс или замедлим.

По законам шоу

Постправда – это не только псевдофакты и гипотезы, построенные на ложных посылах. Постправда – это еще и способ коммуникации. «Слушатель» в информационном пространстве – это еще и зритель, и субъект – воспринимающий декорации, соседей по залу и шумы на улице. При желании ему можно открыто и честно доносить правдивую информацию – а он ее все равно не воспримет: отвлечется на шум, засмотрится на занавес, возненавидит специально назначенного ее сообщить информатора, потому что тихий голос ему (зрителю) будет прямо в ухо шептать, что информатор – педофил, сморкается в рукав и на зад у него псориаз. Когда врать уже невозможно, генератор постправды прибегает именно к такому способу формирования когнитивных искажений – и обычно очень успешно.

Поводом к рассуждению на тему такого способа генерации постправды стал для меня звонок специалиста по информации – и я даже написал по этому поводу в мае 2016 года пост в Facebook.

Вчера мне открылась истина. Она имела лицо известного специалиста по публичным мероприятиям, умного и образованного человека (а, собственно, какое еще лицо она может иметь?). Мне кажется, сам носитель истины не осозна-

вал, что он несет, — но я даже испугался.

Он позвонил мне, чтобы предложить поучаствовать в проекте. Проект состоит в создании серии публичных, транслируемых по ТВ дискуссий-поединков, в которых будут «биться» сторонники противоположных точек зрения на насущные проблемы современности. По логике автора проекта, широкие массы населения России не включаются в гражданскую активность потому, что телевидение и радио дают им контент низкого качества, не внедряющий в их сознание правильных (либеральных, демократических, рыночных) идей, а мероприятия и публикации, правильные идеи популяризующие, слишком скучны, академичны и не вызывают интереса у публики. Зато если «интеллигентский разговор» превратить в шоу, если заставить, скажем, Кудрина и Титова не просто монотонно декламировать свои концепции, а гневно обличать друг друга, орать, швыряться ручками и стаканами, кидаться в драку, жевать галстук противника, то зритель будет замороженно следить за действием, аудитория вырастет и прогрессивные идеи того же Кудрина найдут доступ к массам.

«Вот, например, почему бы не начать с промопроекта — диспута о вреде или пользе коррупции? — спрашивал мой собеседник. — Вы могли бы, например, выступать за ее вред, а Симон Кордонский — за пользу».

«Уважаемый собеседник, — отвечал ему я, — во-первых, я не верю, что вы найдете действительно умных людей, име-

ющих прогрессивные идеи, которые согласятся выступить в шоу гладиаторов на потеху публики. Я так точно не соглашусь жевать что бы то ни было у Симона Кордонского. Во-вторых, я не верю в то, что можно доносить до широкой публики хорошие идеи плохими методами. Ложка цирка в бочке университета превращает университет в цирк, а Ломоносова – в Жириновского. Публика не воспримет поданные так идеи, скорее, наоборот, будет ассоциировать их со скандалом и сочтет демагогией, поводом поржать. Возможно, выступающие и станут более популярными, но их идеи от этого не станут предметом обсуждения и принятия».

С собеседником мы мило поболтали еще о философии и договорились оставаться на связи (современный способ сказать «Прощай навеки»). Но диалог наш не стоит считать аберрацией – это, скорее, первые признаки нарастающего процесса деструкции информационного поля, в рамках которого информация становится все менее важной и основную роль в коммуникации начинает играть форма ее подачи и шум, ее сопровождающий. Следствием этого со временем может стать полное обесценивание информации в глазах (ушах) реципиента – и постепенный переход «сообщения» исключительно в область шума.

Действительно, все мы – либералы и патриоты, западники и евразийцы, государственники и либертарианцы, чиновники и диссиденты, москвичи и регионалы, православные и атеисты, – пытающиеся донести свои идеи до «народа», скло-

нить его на свою сторону, убедить, придумывающие для этого самые разные способы (лекции, статьи, книги, митинги, фильмы, шоу, драки в кабаке и так далее), что называется, *completely miss the point*¹. Мы думаем, что ведем борьбу за умы и души «народа» (включая и нас самих) своими идеями, мы надеемся, что в «народе» есть спрос на идеи и он только ищет – какие выбрать, чтобы «купить» и отдать за них свое время, комфорт и даже жизнь. Но кто, где и когда в последний раз видел в народе спрос на идеи?

Мы живем не разумом, а чувствами, нам нужны позитивные (острые, возбуждающие) ощущения и эмоции, мы чураемся впечатлений негативных (скучных, депрессивных). Мы не хотим чувства голода, мы хотим находиться в состоянии постоянного возбуждения. Хлеба и зрелищ. А пока реальный голод не подступил, мы хотим только возбуждения – только зрелищ – и ничего больше.

Нам рассказывают, что идеи когда-то возбуждали – не всех и не во всем, но могли. Древних кочевников возбуждала идея единого невидимого бога, так что они переходили пустыни, покоряли города и создавали величайшие произведения литературы. Первых христиан захватывала идея жертвенности, и они шли на растерзание львами и крест в надежде спастись и спасти. Даже еще в XX веке возбуждали идеи революции, войны за жизненное пространство, освоения космоса. Но периоды возбуждения были кратки, охва-

¹ Совершенно упускаем из виду самое главное. – *Прим. ред.*

тывали 5–10 % населения (а уж эти 5–10 % либо умудрялись заставить всех следовать за собой – guess how² – либо нет), и если присмотреться, тип возбуждающих идей всегда был одним и тем же: это были идеи превосходства, рождающие либо агрессию, либо мазохизм.

Что нас толкает в путь? Тех – ненависть к отчизне,
Тех – скука очага, еще иных – в тени
Цирцеиных ресниц оставивших полжизни –
Надежда отстоять оставшиеся дни.

Бодлеровский стих достаточно точен – ненависть, скука, страх смерти.

Но и те времена уже ушли. В экономике избытка, которая сложилась окончательно с появлением электричества, пластмассы и удобрений, вызвать эмоции стало намного труднее. 150 лет назад на скорости 30 миль в час захватывало дух, мысль о полете завораживала, дворянские дети играли в чурочки и делали из куска коры и палочки пиратские корабли, над «Мадам Бовари» девушки рыдали, а юношей возбуждала фраза «ее ножка была открыта выше колена». Информация поступала исключительно в закодированном в печатные знаки виде и, требуя декодирования, развивала воображение, проникала вглубь сознания, побуждала и призывала.

Сегодня для нашего мозга разницы между 800 километ-

² Угадайте как. – Прим. ред.

ров в час пассажирского самолета и 5000 километров в час ракеты уже нет. Полет стал обыденностью, пассажиры закрывают шторы иллюминаторов, чтобы свет не мешал смотреть очередной боевик, наполненный реками крови и спецэффектами – без них трагедия смерти воспринимается как неумелая комическая постановка, с ними – как веселая компьютерная игра. Индустрия игрушек сперва лишила детей права на активное преобразование мира, а затем отобрала право на воображение, создав ЛЕГО – конструктор, к которому заранее отрисовано, что надо собрать. Все стоящие, а также все не стоящие, но потакающие инстинктам книги теперь экранизируются, и бывшему читателю, а ныне зрителю больше не надо воображать себе героев и события: декодирование ушло в прошлое, воображение атрофируется, его заменяет прямое впечатление – попробуйте представить себе Гарри Поттера не с лицом Рэдклиффа. Синдром Стендаля³ уничтожен первой из всех болезней человечества. Фраза о ножке больше не толкнет молодого человека на испуганную мастурбацию, и даже привычный порнороман уже не помогает: требуются «50 оттенков серого» – жирные куски садо-мазо в приторном соусе из роскоши пополам с детективом. А скоро и это не будет действовать, и новое поколение,

³ Синдром Стендаля – психическое расстройство, при котором характерно частое сердцебиение, головокружение и галлюцинации. Эти симптомы проявляются, когда человек находится под воздействием произведений изобразительного искусства, поэтому нередко синдром возникает в месте их сосредоточения – музеях, картинных галереях. Впервые описан в 1979 году. – *Прим. ред.*

чтобы возбуждаться, будет нуждаться в 3D порно-садо-мазо высочайшего разрешения, с эффектом виртуальной реальности, включая осязание, ощущение вкуса и запаха, – изображение совсем перестанет функционировать.

Стоит ли удивляться, что идеи никого не волнуют; что 60 % жителей России (это примерно 85 % населения за вычетом маленьких детей и глубоких стариков) регулярно смотрит телевизор, включая самые одиозные ток-шоу, а на вопрос «Зачем?» наиболее распространен ответ «Чтобы поржать»? Если принять это во внимание, то становится значительно легче понять такую поддержку операции в Сирии или войны на Украине: ну, слава богу, хоть какие-то интересные новости пошли, можно посмотреть, как кого-то разбомбили. В этом смысле государство становится все менее провайдером правил, защиты, помощи и идей и все более – провайдером новостных раздражителей и примитивных эмоций высокой амплитуды. Та власть, которая удовлетворяет спрос на «движуху», будет иметь поддержку. Та, что ограничивается «идеями», – скучна и непопулярна.

Эмоциональный голод в условиях, когда эмоции вызывать все труднее, требует все более мощных раздражителей. Вдумайтесь: что нас может интересовать? Война с Северной Кореей – ну пусть уж скорее начнется, поглядим на заваруху. А вдруг они применят ядерное оружие? Вот круто! Сравните эту новость с разговором о налогообложении – вы что выбираете?

Политики (успешные, конечно) – лучшие маркетологи по части развлечений. Власть в России принадлежит успешным политикам: они продают народу войны, терроризм, посадки, врагов, угрозы, кровь и грязь, неопределенность и чувство величия одновременно. Они из всего делают балаган с элементами мордобоя, имитируя любимую народную забаву. Система политических развлечений полностью интегрировалась и приобрела черты производственного замкнутого цикла: власть сама создает и врагов, и проблемы, сама же организует борьбу и побеждает. Все без исключения персонажи – клоуны, и все – цирк. В цирке (и это власть отлично понимает) суть реплик персонажей не имеет никакого значения. Важно кривляться и бить друг друга дубинкой, чтобы публика хохотала или пугалась. Правильный герой косноязычен, несет околесицу, одет дико, проявляет свойства психопата, и чем более это очевидно, тем лучше. Едет на немецком мотоцикле братъ Берлин и при этом плетет абракадабру – отлично, требует запретить секс до брака – превосходно, вламывается на фестиваль, истошно осеняя всех крестом и охаживая кадиллом, – лучше не бывает, предлагает запретить выезд за границу неработающим – и это сойдет⁴. 145 млн зрителей охают в ужасе, хохочут над идиотами, злятся и восстают – они заняты, им некогда, да и не хочется думать о

⁴ История продолжает этот список – в 2018 году в нем уже и геи-разведчики, ездящие смотреть шпиль, и футболисты, устраивающие пьяную драку, и многие другие. – *Прим. авт.*

будущем, о стране, о себе. По законам жанра любой, кто вышел на сцену или даже сел в первый ряд, волей-неволей тоже клоун. И даже если он пытается косить под конференсье или воздушного гимнаста, то всегда найдется злобный арлекин, который разрядит обстановку, облив его мочой или зеленой, забавно побив палкой или посадив (в тюрьму или в лужу). Публика будет ужасаться, негодовать, хохотать, а умный дядя в пятом ряду станет громко кричать, что это подсадной и так все и было задумано. Демонстрация? Это скучно. Чтобы развлечь зрителей, надо задержать 700 человек, среди них половину случайно – и вот две недели публике есть о чем говорить и все при деле. Ветхое жилье? Кому это интересно! Давайте забачаем план по сносу половины столицы – вот тема, которой можно занять пару миллионов зрителей нашего реалити-шоу на несколько лет: пусть удавят друг друга в споре о том, надо ли это делать, зато скучать не будут.

Да, главное – чтобы не остановились, не заскучали, не задумались. Бесконечное шоу, в котором обострения на фронте, террористические угрозы, аварии, задержания воров-губернаторов, танцы с покемонами в храме, дома на горке и дома у речки, полные кроссовок и уток, расчлененка, выборы во Франции, борьба за допуск треш-певца на треш-конкурс, драки в прямом эфире на любую тему – идут без пауз. Вернее, малейшие паузы заполняются хакерской атакой на штаб марсиан, перехватом российских бульдозеров на Аляске или спором о том, является ли новейшим оружием ракета,

разработанная в 1970-е годы, если ее трижды освятил митрополит, а все драгметаллы с контактов украли при производстве.

Когда шоу идет непрерывно и качество его высоко, зрители неожиданно (Хотя почему неожиданно? Жить трудно, надо думать, решать, надо, наконец, смотреть в зеркало, а там не всегда приятная картинка) выбирают между «жить» и «смотреть шоу» исключительно второе. Люди перестают быть гражданами – они становятся публикой. Мир вокруг превращается в сцену, на которой все – актеры. Актеры гибнут в тюрьмах, на спецоперациях и от рака в коридорах аварийных больниц, голодают, теряют бизнес, убивают жен и детей, взрываются в вагонах метро – а мы смотрим и получаем эмоции. Это ничего, что место рядом вдруг опустело, а веселый зритель-губернатор, который только что хохотал вместе со всеми, оказался на экране в роли заключенного, которому не дают лекарств, от чего он медленно угасает в камере. С экрана, как правило, не возвращаются – там либо умирают, либо играют бесконечно, и некому нам рассказать, что мы и сами можем оказаться актерами-клоунами на сцене.

Даже власть (почитающая себя директором цирка) в стремлении к достижению абсолютного шоу-успеха иногда выводит себя под прожекторы, предлагая зрителям бесконечный сериал, комбинацию «Санта-Барбары», «Карточного домика» и «Южного парка», снятую по всем законам жанра, наиболее яркий из которых – семейственность. И ведь,

согласитесь, так трудно оторваться от дискуссии о том, чей сын назначен куда и чья дочь получила миллиард долларов из бюджета. А на подходе внуки...

В этом свете постоянно нарастающие запреты – митингов, усыновлений, порнографии, мессенджеров, сыра, геев, ИГИЛ (да, запрещена в России!), выезда за границу, секса до брака, атеизма, онанизма⁵, LinkedIn, независимых СМИ – очевидно, имеют крайне важную цель: пробудить эмоции, снизить порог чувствительности. Действительно, в условиях, когда «все можно», все теряет ценность, все приедается, и общество перестает реагировать. Но запрети все, закрой глаза, свяжи руки, заткни уши, а потом прокрути маленькую дырочку и покажи через нее хоть Владимира Соловьева – и это уже покажется великим развлечением.

Так что неправ мой визави – что бы клоун ни кричал, как бы ни бил партнера дубинкой, прибыль получит директор цирка. Для тех, кто не хочет быть клоуном, есть зрительный зал или (скатертью дорога) – улица. Для тех, кто всерьез хочет быть директором, есть еще мосты через Москву-реку и горячие парни с предгорий Кавказа. Тут уж каждый выбирает по себе. Я, например, выбираю буфет – пока ассортимент спиртного и пирожных не исчерпался, и звукоизоляция хороша, со сцены доносит только бравурную музыку, да и то негромко. Пока зрители не оголодали, шоу будет ид-

⁵ В свете выступления Онищенко в 2018 году это последнее было моим гениальным предвидением. – *Прим. авт.*

ти. Потом, конечно, голодная публика выволочет на сцену и разорвет директора цирка, а на его место сядет другой. Будет ли он лучше прежнего, зависит от того, скольких зрителей мы успеем соблазнить разговорами за кофе с пирожными, но точно не от того, как будут вопить клоуны на сцене. Так что я по-прежнему жду всех в буфете. Кофе пока не запретили.

Ошибка измерения

Но, конечно, не всегда эффект постправды проявляется в результате действий «сил зла» или искажений человеческого сознания. Жизнь настолько сложна и разнообразна, что ее зачастую просто невозможно однозначно уложить в рамки грубых количественных или качественных оценок, которых наш мозг требует для вынесения суждений. Особенно хорошо это видно в экономике – науке, пытающейся с помощью элементарной математики описать сложнейшие процессы, идущие в многомиллиардном социуме. Об этой части постправды – о том, как мы сами себя обманываем вроде бы корректными цифрами, – я писал для Московского центра Карнеги на примере ситуации с анализом экономики России в октябре 2016 года.

Вокруг состояния российской экономики идет активная дискуссия. Маргинальные оптимисты утверждают, что кризис успешно пройден и скоро экономика начнет расти. Они уверены в предстоящем росте цен на нефть, измеряют ВВП России по паритету покупательной способности, ссылаются на позитивный баланс счета внешнеторговых и финансовых операций и растущие золотовалютные резервы. Маргинальные пессимисты отвечают, что экономика находится в состоянии неуправляемого пике и скорая катастрофа неиз-

бежна. Они указывают на сокращение номинального ВВП в долларах на 40 % по сравнению с пиком, быстрое исчерпание фондов правительства, значительный дефицит бюджета, двузначное падение доходов населения и продолжающееся сокращение инвестиций.

Истина, как обычно, где-то посередине. Но прежде чем говорить о правильных выводах, неплохо бы исследовать вопрос качества вводных, которыми мы располагаем. Увы, это качество (применительно как к цифрам, так и к методикам) оставляет желать лучшего.

Неучтенное и переучтенное

Вопрос количественной оценки показателей российской экономики упирается в условность систем измерения различных параметров и точность данных, которыми мы располагаем. Данные до 1991 года вообще сложно признать значимыми, так как статистика времен СССР формировалась по совершенно отличным от современных принципам, вела измерения в искусственно оцениваемой валюте и в экономике регулируемых цен, а результаты даже для внутреннего пользования активно корректировались – общеизвестное «Хлопковое дело»⁶ было ярким примером таких корректировок.

⁶ Собирательное название для серии уголовных дел об экономических и коррупционных преступлениях в СССР в 1980–1990-х годах. Расследования были преданы широкой огласке – чтобы показать населению, как государство борется

После 1991 года статистика стала более адекватной, но существенные вопросы к ней все равно остались.

Основным вопросом оценки ВВП России всегда была доля теневой экономики, причем не только в прямой форме (неучтенные официально заработки и прибыли). Серьезное влияние всегда оказывала практика искусственного ценообразования, в том числе завышения цен на государственные поставки и подряды. По строительным подрядам завышение цен, по разным данным, составляло и составляет от 20 до 50 %, по поставкам сложного технологического и потребительского оборудования, как выяснилось в ходе «Дела о томографах»⁷, – до 200 % от реальной цены.

Очень распространена была и практика частного искажения цен. Искажались цены на ввозимые товары – для снижения пошлин (в 2014 году разница в оценке объемов экспорта Китая в Россию и импорта России из Китая составила около 10 млрд долларов, или 0,5 % ВВП России), на оказанные услуги – для снижения НДС, и даже на вывозимые товары для снижения выручки и налога на прибыль. В России немало субсидируемых производств (в основном в сельском хозяйстве) и социальных выплат из бюджета, а оценка деятельности региональной власти и выделение регионам

с коррупцией. Всего было возбуждено порядка 800 уголовных дел, около 4000 человек были осуждены. – *Прим. ред.*

⁷ В 2009 году для Санкт-Петербургской медакадемии имени Мечникова было выделено 95 млн рублей на покупку томографа, чья рыночная стоимость составляет 50 млн рублей. – *Прим. ред.*

средств во многом зависит от их отчетности по экономическому состоянию. Интересы региональной власти и производителей в этом редком случае совпадают – и тем и другим выгодно завышать показатели, что они аккуратно, но делают.

Но все вышеуказанное – легальная часть экономики. Доля неформальной экономики в России, которая в 1990-х годах, по некоторым оценкам, превышала весь размер официально зарегистрированного бизнеса, к 2013–2014 годам, по официальным же данным, сократилась до 10 %. Ответ на вопрос, как проводились официальные измерения неофициального бизнеса (частным образом оплачиваемые услуги, открытые рынки, вклад личных хозяйств, нелегальное потребление энергии и других ресурсов), неизвестен. Зато в 2014 году Росстат сообщил, что существенно пересмотрел методику и значительно увеличил долю неформального бизнеса в ВВП. Благодаря этому, а также включению экономики Крыма в расчет ВВП 2014 года, по официальным данным, даже вырос – правда, менее чем на 1 %.

Наконец, в ВВП попадают товары и услуги, произведенные честно, но по той или иной причине утраченные. Яркий пример – экспорт, поставленный покупателям в кредит, который те потом не возвращают. Только по статье «Экспорт вооружений» и только за 2015 год около 4 млрд долларов (0,35 % ВВП страны) было поставлено Россией в обмен на заведомо невозвратные кредиты. Всего за последние годы мы списали только кредитов государственного уровня пример-

но на 5 % сегодняшнего ВВП. Но никакая статистика не учитывает этих списаний при расчете экономических показателей, хотя, наверное, надо было бы вернуться к времени их выдачи и уменьшить ВВП на их объемы.

Пятна ВВП

Сам по себе ВВП, даже очищенный от приписок и увеличенный на неучтенные части, не будет вполне корректным показателем качества, стабильности и роста экономики. Знаменитое «строим мост – это ВВП, разрушаем мост – тоже ВВП» не будет преувеличением. В рамках расчетов ВВП невозможно отделить создание новой стоимости от ее перераспределения и даже ликвидации. Например, недострой, остающийся навсегда непригодным к эксплуатации, на практике представляет собой комбинацию перераспределения средств от инвесторов к подрядчикам и рабочим и уничтожения материальных ресурсов, но с точки зрения ВВП он ничем не отличается от достроенного и переданного в эксплуатацию объекта (несколько меньшего масштаба).

Также сложно ассоциировать с развитием страны долю ВВП, приходящуюся на торговлю. Когда доля торговли в ВВП растет (в силу, например, роста рыночной власти торговых систем по сравнению с производителями), ВВП может не меняться, в то время как объем создаваемой стоимости будет сокращаться. Все эти условности в России приво-

дят, например, к тому, что на фоне инвестиций в сочинскую Олимпиаду, провальных мегапроектов и роста доли торговли в ВВП сам показатель ВВП в 2013 году рос, а производство, инвестиции и экспорт уже значительно сокращались.

Составляющие ВВП также сильно отличаются по своему влиянию на будущее экономики – так называемому мультипликативному эффекту. Созданный станок дает больший мультипликативный эффект, чем произведенный товар потребительского спроса. С помощью станка создадут новый ВВП, а товар принесет «всего лишь» деньги производителю и удовлетворение потребности покупателю. Но и то и другое имеет позитивный эффект – производитель инвестирует деньги, полученные за товар, в новое производство, покупатель, удовлетворенный товаром, будет дальше работать и дальше потреблять. А вот расходы на вооружение, например, имеют очень низкий мультипликативный эффект – произведенные танки будут ржаветь, созданные военные технологии в других областях применяются крайне ограниченно. В этом смысле наши 4,5 % ВВП, идущие на оборону, и среднемировые 2,9 % существенно отличаются.

Инновационная диагностика строительства

Помимо ВВП, в России сложно судить о таких показателях, как средние доходы домохозяйств (в целом и по отраслям или регионам). Из-за запретительно высоких сборов с

фонда заработной платы и налогообложения зарплат и доходов, начиная с нулевого уровня, большая часть выплат маскируется под другие формы финансовых операций либо производится из неучтенной наличности. Доля наличного оборота в розничной торговле в России в 2014 году превышала 80 %, 30 % жителей не имели банковских карт, а количество наличных рублей в обращении за последние 14 лет выросло более чем в 45 раз.

На оценку среднего дохода домохозяйств и равномерности его распределения (да и уровня безработицы) влияет и фиктивное трудоустройство граждан. В основном это муниципальные службы и жилищно-коммунальные комплексы, но похожая практика есть во многих федеральных и региональных бюджетных организациях: безработные граждане из депрессивных районов, где невозможно найти работу, за небольшую плату наличными оформляются в штат, но не работают, а большую часть их заработной платы получают чиновники, контролирующие соответствующие учреждения.

Непросто оценивать в России и распределение расходов бюджета – более 30 % засекречено. Традиционно считается, что засекреченные статьи бюджета идут на финансирование оборонно-промышленного комплекса и других силовых ведомств, но есть косвенные свидетельства, что диапазон их использования существенно шире.

Да и в открытых данных все непросто – зачастую в статьи и подстатьи прячутся расходы, имеющие мало отноше-

ния к теме статьи. Вот, например, подстатья «Создание объектов социального и производственного комплексов, в том числе объектов общегражданского назначения, жилья, инфраструктуры и иных объектов» в рамках подпрограммы «Развитие и внедрение инновационных методов диагностики, профилактики и лечения, а также основ персонализированной медицины» государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения». Ну, казалось бы, какая связь между инновационными методами диагностики и строительством жилья? Тем не менее на эту статью в 2015 году было выделено 7 млрд рублей, и они вполне могли пойти на строительство жилья.

Даже резервы, сформированные правительством, бывает непросто оценить: несмотря на то, что их состав публикуется, многие его статьи непрозрачны, а некоторые (как, например, деньги, переданные Внешэкономбанку, ВТБ, ГПБ, вложенные в другие банки в обмен на привилегированные бумаги; общая сумма таких вложений составляет примерно 23 млрд долларов) с большой вероятностью представляют собой невозвратные кредиты.

Сложности представляет и оценка единиц измерения: за период с 2000 по 2015 год рыночный курс доллара США к рублю колебался относительно расчетно-инфляционного курса в диапазоне примерно от плюс 140 % до минус 60 %. Если бы ВВП России, например за 2013 год, был пересчитан в доллары не по рыночному курсу, а по расчетно-инфляци-

онному, сумма 2,1 трлн долларов превратилась бы в 1,4 трлн. Последовательный взгляд на развитие российской экономики с учетом такой волатильности рубля относительно своей справедливой стоимости должен говорить, скорее, не о падении ВВП России в 2015–2016 годах, а о неадекватном его завышении в период 2005–2013 годов из-за переоценки рубля.

ППС Киргизии

Еще большая проблема возникает с применением коэффициента паритета покупательной способности к экономическим показателям в России. Проблема системная – даже методика, используемая странами ОЭСР с их уровнем взаимной прозрачности, изложенная вкратце на 408 страницах, включает в себя список оговорок и ограничений применимости этого параметра. Сама по себе методика позволяет странам-участникам самостоятельно выбирать товары для сравнения, и целый ряд услуг и товаров часто не попадают в рассмотрение (даже в ОЭСР некоторые страны не включают в ценовую часть анализа образование или, например, недвижимость). Для вычисления коэффициента одни страны используют цены реальных транзакций, другие – заявленные цены продавцов. Многие используют цены в столице, многие – средние по территории. Цены определяются одними странами в одном конкретном месяце года, другими – в среднем по году.

Проблема с ППС носит и временной характер – на сегодня на сайте ОЭСР размещена информация по предлагаемым значениям коэффициента ППС для стран, не входящих в ОЭСР, только по состоянию на 2011 год. Очевидно, в России с 2011 года произошли кардинальные изменения в стоимости товаров и услуг.

В России ситуация с ППС еще сложнее – у нас существенно искажены цены на коммунальные услуги, разница в цене на одни и те же товары и услуги в разных регионах достигает сотен процентов, потребительские корзины для разных слоев населения в силу высокого расслоения имеют совершенно разный состав. Официально принятый для расчета уровень ППС России, превышающий 320 %, вряд ли может адекватно отражать сравнительные уровни цен в России и США – достаточно вспомнить, что более половины потребления россиян составляет импорт, что цены на топливо в России и США сегодня примерно одинаковы, что цены на недвижимость сопоставимы, а по целому ряду продуктов потребительского спроса (продукты питания, одежда, предметы быта, бытовая техника, автомобили и прочее) цены в России по отдельным позициям оказываются выше, чем в США. Еще более наглядно выглядит сравнение ППС России и других стран: в Китае официальный ППС равен примерно 180 %, в Киргизии – 330 %. Сложно поверить, что в Китае жизнь в 2 раза дороже, чем в России, а в Киргизии – так же дорога.

Но даже если бы мы научились адекватно описывать и оценивать соотношения цен, некорректно применять один коэффициент ППС к двум таким разным вещам, как, например, ВВП и доходы домохозяйств. И дело не в том, что ВВП состоит из доходов домохозяйств только примерно на 50 %, а остальное – налоги и корпоративные прибыли. Дело в том, что продуктовая композиция ВВП никак не соответствует потребительской корзине. В российском ВВП 18 % составляют углеводороды и 3 % – продукция агропрома. В потребительской корзине среднего россиянина продукты составляют более 50 %, а топливо – менее 10 %.

Остальная статистика, даже если она касается, казалось бы, совершенно очевидных вещей, тоже неоднозначна. Чего стоит, например, сделанное Росстатом заявление о сокращении количества малых предприятий на 70 000 – почти на 30 %, причем только за последний год? Не многого – в этой статистике предприятия никак не разделены на реально функционировавшие и открытые в свое время про запас. Нет никаких данных о количестве фирм, перешедших в разряд «микропредприятий» из-за изменений в методологии классификации по решению правительства в 2015 году. Более того, подсчет количества предприятий делает не только Росстат, но и ФНС: и данные этих двух организаций расходятся на сегодня на 28 000 предприятий, и неизвестно, как далеки и те и другие от реальности.

Уровень шума

Все эти издержки количественных методов нам придется учитывать, анализируя экономику России. Необходимо помнить, что результаты этого будут точны лишь настолько, насколько позволяют данные. Каждую группу данных нужно тщательно анализировать и на достоверность, и на применимость к исследуемому вопросу. В первую очередь приходится избавляться от соблазна оценивать и комментировать малые движения и короткие временные интервалы – например, не имеют никакой аналитической ценности данные о месячных изменениях экономических параметров.

Надо помнить, что значения роста/падения ВВП, доходов или объемов операций менее 2–3 % неинформативны, так как остаются в пределах ошибки вычисления или уровня шума, вызываемого проблемами единиц измерения. Точно так же с большой осмотрительностью стоит сравнивать данные по экономикам разных стран, особенно за разные периоды времени. Более или менее безопасно анализировать прозрачные объемы торговли в физическом выражении (часто они косвенно отвечают на вопрос об изменении доходов и настроений на рынках), а также финансовые показатели высокого уровня, такие как баланс внешнего счета страны, баланс финансовой системы и прочее.

В экономическом анализе как нигде отчетливо проявляет-

ся когнитивный эффект предвзятости подтверждения, свойственный человеку. В потоке цифр, значение которых плохо определено и часто непонятно, любой легко находит себе подтверждение именно тех теорий, которые кажутся ему более приятными.

Возможно, поэтому человечество, которое научилось сажать космические зонды на астероиды за миллионы километров от Земли, делая это на скорости тысячи метров в секунду, с точностью до нескольких сантиметров, не только не смогло выработать единой модели успешной экономики, но и до сих пор не знает, как предотвращать регулярные кризисы. Поэтому «все нормально» и «все пропало» еще долго будут превалирующими идеями в обществе в отношении экономической ситуации. Но этот факт не должен останавливать нас от попыток анализа, тем более что даже и без количественных исследований мы сегодня знаем – в экономике России далеко не все нормально, и проблемы нарастают.

Карго-подражание

Миф эпохи постправды – это не только искаженные или выдуманные факты, не только псевдологические интерпретации, игра цифр или ложная индукция. Иногда пост-правда проявляется в подмене цели или замене целеполагания на «действие по аналогии». Здесь «добиться результата» заменяется на «быть как другие». Как правило, такая конструкция используется манипуляторами в ситуации, где нужный им результат не сообщается манипулируемым, маскируясь под цели, достичь которых очевидно невозможно – зато можно заявить, что для их достижения «все так делают». Короткий пример такой неосознанной манипуляции я приводил в Facebook в 2015 году.

Это очень показательно и удивительно распространено. Нам всем это свойственно – где-то глубоко-глубоко лежит потребность в истине, которая истиной не является. И мозг, получивший команду из подсознания «Прийти к истине во что бы то ни стало!», изобретает цепочки, удивительно похожие на логические – но лишенные логики. А мы ему верим – потому что хотим верить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.